

Л. В. Беловинский
Жизнь русского
обывателя

От дворца
до острога

Жизнь русского обывателя

Леонид Беловинский

**Жизнь русского обывателя.
От дворца до острога**

Издательство «Кучково поле»

2014

Беловинский Л. В.

Жизнь русского обывателя. От дворца до острога /
Л. В. Беловинский — Издательство «Кучково поле»,
2014 — (Жизнь русского обывателя)

ISBN 978-5-9950-0342-7

Заключительная часть трилогии «Жизнь русского обывателя» продолжает описание русского города. Как пестр был внешний облик города, так же пестр был и состав городских обывателей. Не говоря о том, что около половины городского населения, а кое-где и более того, составляли пришлые из деревни крестьяне – сезонники, а иной раз и постоянные жители, именно горожанами были члены императорской фамилии, начиная с самого царя, придворные, министры, многочисленное чиновничество, офицеры и солдаты, промышленные рабочие, учащиеся различных учебных заведений и т. д. и т. п., вплоть до специальных «городских сословий» – купечества и мещанства. Подчиняясь исторически сложившимся, а большей частью и законодательно закрепленным правилам жизни сословного общества, каждая из этих групп жила своей обособленной повседневной жизнью, конечно, перемешиваясь, как масло в воде, но не сливаясь воедино. Разумеется, сословные рамки ломались, но *modus vivendi* в целом сохранялся до конца Российской империи. Из этого конгломерата образов жизни и складывалась грандиозная картина нашей культуры

ISBN 978-5-9950-0342-7

© Беловинский Л. В., 2014

© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леонид Беловинский

Жизнь русского обывателя

От дворца до острога

Глава 1

Структура городского населения

Пестр и ярок был облик старого русского города. Не менее пестрым был и состав его обывателей.

Основную массу городского населения составляли так называемые городские сословия, спонтанно сформировавшиеся еще в период Средневековья и получившие юридическое оформление в течение XVIII в. Когда-то это были «гости», ведшие крупный междугородный и даже заграничный торг, люди городских купеческих сотен (гостиной, суконной и т. д.), а также посадские люди, то есть жившие на посаде, вне стен первоначального укрепленного городского ядра. В XVIII в. они получили наименование гильдейского купечества, мещанства и цеховых ремесленников, а в 30-х гг. XIX в. преимущественно из купечества стали выделяться потомственные и личные почетные граждане – новое сословие.

Сословием в России называлась какая-либо четко оформившаяся группа людей, связанных общими правами и обязанностями. Так говорили о «сословии адвокатов». Но, прежде всего, под сословием понимали социально-юридическую группу населения, характеризующуюся наследственными правами, привилегиями или обязанностями, закрепленными законом или обычаем; такая группа именовалась еще «состоянием». Эти сословия, или состояния, были довольно замкнутыми: переход в другое сословие был возможен, но в каждом индивидуальном случае оформлялся юридически. Недаром в паспортах и иных личных документах в первую очередь отмечалась сословная принадлежность: «крестьянин», «мещанин», «купец», «дворянин» и т. д. Сословий было много, а внутри них выделялись еще и сословные группы, например: «удельный крестьянин», «казенный ямщик», «потомственный дворянин». Сословным положением определялось многое: право на государственную службу и ордена, на университетское образование, свобода от телесных наказаний, отсутствие прав на вступление в сделки и владение недвижимостью, исполнение рекрутской повинности и т. д. Так что сословное положение долго играло роль значительно более важную, чем классовое. Человек мог владеть землей, фабриками, ворочать большими деньгами и быть абсолютно бесправным, поскольку все его имущество было записано на имя владевшего им самим помещика, а сам он был помещичьим крестьянином. Человек мог быть совершенно нищим, жить у кого-либо из милости на положении приживала или даже домашнего шута либо служить за трехрублевое жалованье, но он обладал всеми возможными правами, вплоть до права владеть другими людьми, и не исполнял никаких обязанностей, так как был потомственным дворянином.

Вследствие такого огромного значения «прав и преимуществ состояния», то есть сословных прав и преимуществ (или, напротив, полного бесправия), сословия делились на привилегированные и непривилегированные, или, точнее, податные и неподатные. Критерием были уплата подушной подати по самому факту физического (вернее – юридического, после внесения в ревизские сказки при очередной ревизии, переписи населения) существования или освобождение от нее. А уж затем сословия делились на сельские и городские.

Самым же привилегированным, официально именовавшимся «первенствующим», сословием было дворянство.

Сословный строй был отчасти разрушен Великими реформами 60 – 70-х гг. XIX в., прежде всего Крестьянской реформой. Правда, в 80-х гг. была сделана попытка его реставрации, но лишь частичной. Революция 1905–1907 гг. нанесла новый удар по принципу сословности, а окончательно он был уничтожен в 1917 г., чтобы смениться новым неравенством – неограниченным господством партийной номенклатуры и фактическим бесправием всего того, что к номенклатуре не принадлежало.

Понятно, что специальные городские сословия и должны были составлять значительную массу городского населения. Так, в Москве в 1882 г. они составляли 28,3 % и даже в чиновном Петербурге их в 1881 г. было около 15 % (в 1801 г. – 18 %). Это были старые феодальные сословия, а потому их удельный вес должен был сокращаться прежде всего, в таких, становившихся промышленными, городах, как Москва и Петербург. В провинции, особенно в более ранний период, они занимали более видное место. Так, в 60-х гг. в Саратове купцы, мещане и цеховые вместе взятые составляли около 62 %, в Самаре – даже более 72 %, в Рязани – более 1/3 населения. Наиболее высок был их удельный вес в уездных городах. Например, на рубеже XIX–XX вв. в Ростове Ярославском городские сословия составляли 54 %, в Муроме – 73,6 %, в Переславле-Залесском – 70,6 %, в Суздале – 73 %, в Рыбинске – 41,2 %.

Какие же еще категории населения жили в городах? Разумеется, несколько процентов составляло чиновничество, не имевшее дворянского достоинства. Довольно большая доля приходилась на военных: ведь воинские гарнизоны стояли главным образом в городах. Так, в Москве в 1882 г. они составляли 10 % населения, а в Петербурге с его гвардией и гарнизонными частями – даже около 20 %; правда, в уездных городах военных, то есть солдат и офицеров вместе взятых, было очень немного, в пределах 5–7 %, да и то не везде. В пределах от десятых долей процента до 2,5 % занимало духовенство, и только в некоторых городах с обилием храмов и монастырей духовных было больше: например, в Суздале на рубеже XIX–XX вв. духовенство составляло 6 % населения, а в Рязани в 1866 г. – даже 8,4 %. Очень небольшой была не определенная по составу группа разночинцев, куда статистики по своему произволу включали то учителей и профессоров, то не имевших чина канцелярских служащих, то другие мелкие группы населения.

Зато заметное место в городе занимали... крестьяне – сельское сословие. Достаточно сказать, что в Петербурге в 1801 г. одних дворовых было 26,1 тыс. душ – столько же, сколько купцов и мещан вместе взятых. А собственно крестьян, явившихся для торговли и занятий ремеслами, было вдвое больше – 50,5 тыс.; к 1881 г. их численность возросла до 117,5 тыс. человек. Даже в уездных городах, где заработков было меньше, на рубеже XIX–XX вв. крестьяне составляли в Рыбинске – 12 %, в Суздале – 17%, в Переславле-Залесском – 18,8 %, в Муроме – 20,7 %, а в Ростове – даже 45,2 %. Правда, эта часть городского населения была «текучей»: ее удельный вес сильно менялся в зависимости от сезона, так что, например, во время сенокоса даже останавливались фабрики и города пустели: все, кто так или иначе был связан с деревней, покидали их.

Вообще крестьянин, живущий в городе – существо неопределенное, «неуловимое», что-то вроде летучей рыбы. Это мог быть настоящий крестьянин, пришедший в город на несколько недель для «сторонних» заработков, а мог быть и коренной горожанин: фабричный рабочий, лавочник, трактирный половой или лакей, появившийся в городе еще мальчиком или даже родившийся в нем и не знающий, как ходить за сохой. Сословная принадлежность зачастую не связывалась с основным родом занятий.

Хотя дворянство и было сословием первенствующим, но лишь вследствие своего юридического положения: в сравнении со всей массой населения оно было немногочисленным. Маловажное место оно занимало и в городе, хотя государственная, то есть главным образом городская, служба была преимущественным правом и нравственной обязанностью дворян, а до 1762 г. и обязанностью юридической. Даже в таком чиновном городе, как Санкт-Петербург,

дворянство на 1801 г. составляло около 6,5 % населения (13,2 тыс. человек) и, несмотря на его значительный численный рост (до 42,9 тыс.), в 1881 г. относительный удельный вес его не достиг 10 %. В Москве дворян в 1882 г. было 7,4 %. Примерно на этом же уровне держался удельный вес дворян и в провинции. Так, в Самаре на 1889 г. дворяне и чиновники вместе составляли около 4,4 % населения. Правда, в более ранний период удельный вес дворянства в городах был несколько выше: в той же Самаре в 60-х гг. примерно 7 %, а в такой «дворянской» губернии, как Рязанская, дворяне в губернском городе составляли около 20 % населения.

В основном дворянство обитало в деревне, хотя формально к сельским сословиям и не принадлежало. А проживание в городах было обусловлено или удобствами обитания в них, или служебной необходимостью. Но жить комфортнее и веселее было в столичных и губернских городах, и там же сосредоточивалась основная часть служебных мест. Поэтому в городах уездных, с их незначительным «образованным» обществом и очень небольшим количеством должностных мест, дворянство оказывалось крайне малочисленным. Так, на рубеже XIX–XX вв. в Ростове оно составляло 1,1 %, в Муроме – 1,4 %, в Переславле-Залесском – 1,9 %, в Рыбинске – даже 3,3 %, а, например, в Суздале его практически не было. И тем не менее роль его была огромной, ибо это было правящее сословие, из которого рекрутировались и чиновничество, до самых высших должностей, и офицерство, и к нему принадлежал сам император со всей императорской фамилией.

Глава 2

Императорский дом и высочайший двор

Одной из главнейших функций города была административная. Естественно, что с этой точки зрения наиболее важным городом была столица империи – Санкт-Петербург, а центром Петербурга были императорский дворец и высшие государственные учреждения. И центральными фигурами страны, так сказать самыми видными городскими жителями, были члены императорского дома и, прежде всего, российский император.

Император – не только и не столько конкретный человек. Это, прежде всего, некое личное высшее государственное учреждение, исполнявшее определенные функции и обладавшее определенными правами. А человеком он был, должен был быть, потом. Российский император являлся самодержавным абсолютным монархом, сосредоточивавшим в себе высшую законодательную, исполнительную, судебную, контрольную и даже церковную власть: он был главой государственной православной церкви. Он ни перед кем не был ответственен, но перед ним были ответственны все высшие учреждения и должностные лица, им назначаемые и смещаемые по собственному усмотрению. И, в силу этого, для страны важны были не человеческие качества монарха, а его государственная мудрость (нынешние поклонники приведшего Россию к гибели Николая II, за неимением лучшего, подчеркивают его высокие семейные качества; так у Марка Твена после мнимой смерти Тома Сойера один мальчишка, не находя, что бы сказать хорошего о покойном, вспомнил, что однажды Том здорово вздул его). Только в начале XX в. основными законами Российской империи редакции 1906 г. власть его, и то лишь частично, была ограничена двухпалатной системой из Государственного совета и Государственной думы, обладавших ограниченными законодательными правами.

Однако это не значит, что российский император был каким-то диктатором или тираном. Во-первых, он был скован... приличиями и традициями; отступления от них вызывали недовольство сановников или общественности, вплоть до демаршей. Так, когда по результатам одного из процессов по делу народников Александр II, вопреки традиции, не смягчил при конфирмации судебного приговора наказание, это вызвало недовольство членов Особого присутствия Правительствующего сената: предполагая смягчение приговора, судьи ужесточили наказания, а в результате нарушения этой традиции царем, они оказались в глазах общества излишне жестокими. Когда Александр III опубликовал коронационный манифест (документ очень важный, определявший политический курс), не ознакомив с ним своих министров, в знак протеста они подали в отставку, хотя такое ознакомление и не предусматривалось законами, а было лишь традицией. Во-вторых, по словам одного острофлова, «русское самодержавие ограничивалось удавкой»: из тринадцати русских монархов XVIII–XIX вв. (Николай II не в счет, поскольку его судьба уже никого и ничему не могла научить) один погиб в темнице, двое были убиты собственными дворянами и один – революционерами. Так что вполне оправданы и слова Николая I при обсуждении указа об обязанных крестьянах: «Хотя я и самодержавный и самовластный, но на такую крайнюю меру (сделать указ обязательным для исполнения помещиками. – Л. Б.) не решусь», и оттягивание Александром II принятия решения о начале освобождения крестьян до проявления инициативы дворянства (известная история с рескриптом виленскому генерал-губернатору об улучшении быта помещичьих крестьян), и ряд других подобных ситуаций.

Правда, все это скорее характерно для XIX в. Петр I, в царствование которого и сложилась система абсолютизма, был настолько самовластен, что нарушил даже традиционную европейскую систему наследования престола по старшинству в мужском поколении, заявив о праве монарха назначать себе преемника по своему усмотрению. Политические пертурбации XVIII в.

заставили Павла I принять в 1797 г. «Учреждение об Императорской Фамилии», определившее систему престолонаследия. Отныне вновь престол переходил только в мужском поколении по старшинству, причем ограничивался круг лиц, имевших права престолонаследия, а одновременно регламентировались все отношения в императорском доме, вплоть до очередности шествия при выходах.

Императорскую фамилию возглавлял царствующий император. Самую верхушку фамилии, кроме него, составляли его супруга царствующая императрица, вдовствующая императрица, сохранявшая все права и прерогативы и даже председательствующая перед царствующей монархиней, наследник престола великий князь цесаревич, его супруга великая княгиня цесаревна. Император и императрицы титуловались Ваше Императорское Величество или, сокращенно, Государь (Государыня), а цесаревич с цесаревной – Ваше Императорское Высочество. Право наследования престола принадлежало братьям (при отсутствии сыновей), сыновьям, внукам и правнукам императора по старшинству, имевшим титулы великих князей и императорских высочеств. В 1886 г. Александр III ограничил круг наследников престола братьями, сыновьями и внуками императора. Праправнуки, а с 1886 г. и правнуки, именовались князьями императорской крови и высочествами, прочие же титуловались светлостями и права наследования не имели. Морганатические браки членов императорской фамилии, имевших права наследования, то есть браки с лицами не августейшей крови, во-первых, лишали этих прав, а во-вторых, не передавали потомству от таких браков никаких прав членов фамилии. До начала XX в. подобные браки были даже запрещены, а ослушание могло навлечь на виновного очень серьезные кары. Впрочем, овдовевший Александр II сам женился на фрейлине покойной жены, княжне Долгоруковой, своей давней пассии, с которой прижил вне брака нескольких детей. Однако и она, и ее дети от царя после венчания получили лишь титул князей Романовских, признанный затем Александром III. Великие же князья, особенно к началу XX в., довольно часто заключали морганатические браки, причем имелся давний прецедент: в свое время брат Александра I, наследник престола цесаревич Константин Павлович женился на польке Грудзинской, получившей титул княгини Лович; но при этом Константин потерял право наследования престола, что и вызвало известные осложнения после неожиданной смерти Александра.

Положение в иерархии царствующего дома определяло не только права его членов, но и денежное содержание из доходов Удельного ведомства, также созданного Павлом I. Великие князья и княгини имели собственные, так называемые малые, дворы с соответствующим штатом придворных чинов, кавалеров и дам.

Великая княгиня Е. Ф. Романова

По традиции все члены императорской фамилии, начиная с цесаревича, проходили военную службу, зачисляясь в нее с рождения. Великий князь Александр Михайлович писал: «2-го апреля 1866 года в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии» (29; 14). Это не значит, что он проходил действительную службу во всех этих частях, в том числе командовал своим Крымским полком: великий князь Александр Михайлович был шефом полка, и вся его деятельность на этом поприще ограничилась тем, что при отправке полка на действующий фронт в 1877 г. он проводил его, поздравившись с каждой ротой и сказав краткое напутственное слово. С возрастом великие князья, а чаще их августейшие родители, избирали род и место службы, проходили соответствующую подготовку и всю службу с самого начала. Только учились они дома да быстрее продвигались в чинах, нежели обычные офицеры. Так, Александр Михайлович в 1878 г., под влиянием одного из своих воспитателей, решил стать моряком, вызвав тем самым ужас матушки и недовольство отца. Однако поддержка Александра III помогла ему настоять на своем. «По логике и здравому смыслу, – вспоминал великий князь, – я должен был поступить в Морской корпус. Но, по заведенному обычаю, великие князья не могли воспитываться вместе с детьми простых смертных. Вот почему я стал учиться дома, под наблюдением наставника-специалиста... Его пригласили, чтобы подготовить меня к экзаменам, которые я должен был держать у целой комиссии профессоров. Мой наставник имел очень низкое мнение о моих умственных способностях и каждый день, в течение четырех лет, предсказывал мне верный провал. <...> Четырехлетняя программа, выработанная им, заключала в себе астрономию, теорию девиации, океанографию, теоретическую и практическую артиллерию, теорию кораблестроения, военную и морскую стратегию и тактику, военную и морскую администрацию и уставы, теорию кораблевождения, политическую экономию, теоретическую и практическую фортификацию, историю русского и главнейших из иностранных флотов... Мои преподаватели, все выдающиеся специалисты, не разделяли мнения моего неумолимого наставника. Поощренный ими, я заинтересовался моими новыми предметами. Теоретические занятия дома сопровождались посещением военных судов и портовых сооружений. Каждое лето я проводил три месяца в плавании на крейсере, на котором плавали кадеты и гардемарины Морского корпуса» (29; 67–68). Правда, на «Варяге» (не том, знаменитом, а на его парусно-винтовом предшественнике) августейший кадет спал и питался не с остальными кадетами, а жил в отдельной каюте и обедал в кают-компании с офицерами, но «во время занятий мне не оказывали какого бы то ни было преимущества. Когда я делал что-нибудь неверно, мне на это указывали с тою же грубоватою искренностью, как и остальным кадетам. Объяснив мне раз и навсегда мои обязанности, от меня ожидали чего-то большего, чем от остальных кадет, и адмирал часто говорил мне, что русский великий князь должен быть примером для своих товарищей» (29; 71–72). Через четыре года, в 1885 г., Александр Михайлович был произведен в мичманы, получив на экзамене, между прочим, скромный балл по судостроению. В 1886–1889 гг. молодой офицер совершил кругосветное плавание на клипере «Рында», после чего отправился в отпуск на Дальний Восток на собственной яхте. В 1890 г. он назначен вахтенным офицером на черноморский броненосец «Синоп», в 1892 г. стал командиром стотонной миноноски «Ревель» и после двухмесячного командования ею назначен командиром минного отряда из 12 кораблей. Затем в 1893 г. совершил плавание в США на крейсере «Дмитрий Донской», а в 1900 г. был произведен в чин капитана I ранга и назначен командиром черноморского броненосца «Ростислав». В 1905 г. адмирал великий князь Александр Михайлович – уже командир флотилии минных крейсеров Балтийского моря. Увлечшись в это время авиацией, он стал ярким сторонником этого рода оружия, организовал учебу первой группы русских офицеров в Париже у Блерио, а в 1909 г. на собственной земле под Севастополем, в Каче, создал первую русскую авиационную школу. Право же, трудно возразить против такой карьеры.

Примерно так же складывалась карьера другого августейшего моряка – великого князя Кирилла Владимировича, который в 1896 г., после четырехлетней подготовки, включавшей практические плавания, стал мичманом и был назначен на службу в Гвардейский флотский экипаж. Затем – кругосветное плавание на крейсере «Россия», учеба в морском артиллерийском училище в Ревеле, служба на Черном море на броненосце «Ростислав», поход на Дальний Восток на броненосце «Пересвет», замещение командира возвращавшегося в Россию крейсера «Нахимов», участие в Русско-японской войне, где великий князь, служа в штабе адмирала Макарова, случайно спасся при взрыве броненосца «Петропавловск». А потом, в 1905 г., за самовольную женитьбу Кирилл Владимирович был изгнан со службы, лишен наград и в 48 часов выслан из России. Однако в 1909 г. изгнание закончилось, и великий князь был назначен старшим помощником командира крейсера «Олег», а в 1910 г. получил чин капитана I ранга. В 1912 г. он закончил Морскую академию и стал командиром «Олега». С началом войны с Германией увлекавшийся автомобильным делом Кирилл Владимирович занимался санитарно-транспортной службой в военно-морском управлении. В 1916 г. получил чин контр-адмирала и командовал саперными работами военно-морского отряда на реках и озерах, а в 1917 г. вступил в командование морским Гвардейским экипажем.

На морской службе находились в чине генерал-адмирала великие князья Константин Николаевич (брат Александра II) и Алексей Александрович, а Константин Константинович вынужден был оставить ее из-за непреодолимой морской болезни и перейти на службу в гвардейские пехотные полки. В конце XIX – начале XX в. все великие князья проходили домашнюю подготовку по курсам кадетских корпусов и военных училищ, сдавали экзамены и затем обычным порядком поступали в гвардейские полки младшими офицерами. Редко кто из них достигал высоких должностей, вроде генерал-инспектора родов войск или командира Гвардейского корпуса. Таким образом, это была обычная военная офицерская служба, лишь более обеспеченная и удачная. Разной была не только карьера, различался и уровень подготовки, способностей и склонности к службе.

Вот что пишет о генерал-адмирале Алексее Александровиче, имевшем, между прочим, прозвище «семь пудов августейшего мяса», Александр Михайлович, не любивший дядюшку: «Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого Адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Не интересуясь решительно ничем, что бы не относилось к женщинам, еде или же напиткам, он изобрел чрезвычайно удобный способ для устройства заседаний Адмиралтейств-совета. Он приглашал его членов к себе во дворец на обед, и после того, как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей, радушный хозяин открывал заседание Адмиралтейств-совета традиционным рассказом о случае из истории русского парусного флота. Каждый раз, когда я сидел на этих обедах, я слышал из уст великого князя повторение рассказа о гибели фрегата «Александр Невский» (29; 115). После гибели русского флота при Цусиме Алексей Александрович, несший ответственность за эту трагедию, вышел в отставку и через несколько лет умер в Париже. Молва обвиняла его в том, что предложенные России новые крейсера, построенные в Англии для Аргентины, попали к Японии, потому что генерал-адмирал не удовлетворился размерами комиссионных; на балетном спектакле с участием его любовницы в зале разразился публичный скандал по поводу новых бриллиантов балерины.

Великий князь Сергей Александрович, государственный опыт которого ограничивался командованием лейб-гвардии Преображенским полком, стал московским генерал-губернатором и «сыграл роковую роль в падении империи и был отчасти ответственен за катастрофу во время празднования коронации Николая II на Ходынском поле» (29; 116). С другой стороны, Константин Константинович, поэт, писавший под псевдонимом К. Р. (его стихотворение «Умер бедняга. В больнице военной / Долго он тяжело страдал...» стало народной песней,

утратив авторское имя – высшая награда творцу, а на некоторые его стихи был создан ряд романсов, в том числе П. И. Чайковским, среди них до сих пор популярный романс «Отворил я окно. Стало душно невмочь...»), в бытность свою командиром лейб-гвардии Измайловского полка создавший среди офицеров литературный кружок «Измайловские досуги», талантливый актер-любитель, хороший педагог, начальник Главного управления военно-учебных заведений, ненавидел политику и чуждался всякой государственной деятельности.

Крупным для своего времени историком был великий князь Николай Михайлович, автор фундаментальных трудов, получивших мировую известность. Командуя лейб-гвардии Кавалергардским полком, он был настолько выше своих товарищей по уровню умственного развития, что совершенно отдалился от военной службы, проводя время в архивах Петербурга и Парижа; будучи горячим поклонником конституционализма, он находился в резкой оппозиции самодержавному строю и был чужаком в императорской фамилии. «Я не знаю никого другого, кто мог бы с большим успехом нести обязанности русского посла во Франции или же в Великобритании. Его ясный ум, европейские взгляды, врожденное благородство, его понимание мирозерцания иностранцев, его широкая терпимость и искреннее миролюбие стяжали бы ему лишь любовь и уважение в любой мировой столице. Низменная зависть и глупые предрассудки не позволили ему занять выдающегося положения в рядах русской дипломатии, и вместо того, чтобы помочь России на том поприще, на котором она всего более нуждалась в его помощи, он был обречен на бездействие людьми, которые не могли ему простить его способностей, ни забыть его презрения к их невежеству», – писал его брат Александр Михайлович (29; 124).

В общем, как и все люди, члены фамилии сильно различались настроениями, уровнем образования, чувством долга и другими качествами. Можно привести слова далеко не монархиста, известного юриста А. Ф. Кони, написанные уже в советское время и посвященные великой княгине Елене Павловне: «Представительница деятельной любви к людям и жадного стремления к просвещению в мрачное николаевское царствование, она, вопреки вкусам и повадке своего мужа, Михаила Павловича... являлась центром, привлекавшим к себе выдающихся людей в науке, искусстве и литературе, «подвязывала крылья» начинающим талантам и умела умом и участием согреть их. Она проливает в это время вокруг себя самобытный свет среди окружающих безмолвия и тьмы. В то время, когда ее муж – в сущности добрый человек – ставит на вид командиру одного из гвардейских полков, что солдаты вверенного ему полка шли не в ногу, изображая в опере «Норма» римских воинов, в ее кабинете сходятся знаменитый ученый Бэр, астроном Струве, выдающийся государственный деятель граф Киселев, глубокий мыслитель и филантроп князь Владимир Одоевский, Н. И. Пирогов, Антон Рубинштейн... С последним она вырабатывает планы учреждения Русского музыкального общества и Петербургской консерватории и энергично помогает их осуществлению в жизни личными хлопотами и денежными средствами... Она же сердечным участием, после истории с князем Чернышевым, удерживает Пирогова от отъезда из России и привлекает к задуманному ею устройству первой в Европе Крестовоздвиженской общины военных сестер милосердия, отправляемых потом под руководством знаменитого хирурга в Севастополь... В ее гостиной собираются будущие деятели освобождения крестьян во главе с Николаем Милютиным. «Нимфа Эгерия» нового царствования, она всеми силами содействует отмене крепостного права не только своим влиянием на Александра II, но и личным почином по отношению к своему обширному имению Карловка» (91; 56–57). Добавим, что в ее салоне появлялся даже молодой Н. Г. Чернышевский, публиковавшийся в самом либеральном издании конца 50-х гг. – «Морском вестнике», находившемся под эгидой великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича. Кони считал, что к ней, немке по происхождению, говорившей с легким акцентом, в полной мере приложимы слова поэта А. Апухтина, обращенные к Екатерине II: «Я больше русскою была, чем многие, по крови вам родные».

При этих словах Апухтина сразу же вспоминается другой член императорской фамилии – принц Петр Ольденбургский. «По отцу, религии и серьезному, солидному воспитанию он был полуиностранец, хотя родился в России и по всем симпатиям и чувствам был настоящий русский, – писал о нем демократ по взглядам, критик В. В. Стасов, лично знавший принца. – 23-летний юноша, едва сам кончивший воспитание, едва вступивший в период самостоятельности... То было для него самое время для веселой и беззаботной жизни, для праздников, торжеств и пиров – он этого не захотел, от всего отказался и вместо того задумал крупное дело, серьезное и важное, требовавшее всего человека, всего его времени, забот и помыслов».

Он выступил с инициативой создания специального высшего учебного заведения для подготовки новой генерации чиновников – Училища правоведения. «А когда он достиг совершеннолетия, то очутился владельцем нескольких миллионов, разросшихся, в продолжение его малолетства и юношества, из основной суммы, пришедшейся на его долю после его матери, великой княгини Екатерины Павловны. Как племянник императора, он скоро добился возможности осуществить свою мысль. Ему позволено было основать Училище правоведения, и, приступая к его устройству, он отдал целый миллион на покупку дома и его обзаведение. Он считал училище чем-то своим, родным и близким себе: все свое время, все заботы и помышления отдавал ему. В училище он приезжал почти всякий день, иногда по несколько раз в день, присутствовал при лекциях в классах, бывал во время рекреаций, навещал училище при обедах и ужинах... иногда приезжал даже ночью, возвращаясь из дворца или с какого-нибудь неизбежного собрания, бала, театра, и всякий раз оставался по несколько часов. Тут он проходил по всем этажам и залам. Вообще говоря, навряд ли была такая подробность училищной жизни, которой бы он не видал собственными глазами и которую от него можно было бы спрятать или исказить. Все это имело чрезвычайно важные последствия: училище стало на такую ногу, на какой не стояло ни которое из тогдашних русских училищ, и во многом получило особенный характер. В нем несравненно менее было казенного, рутинного и зато было (по крайней мере, в первое, мое время) что-то, напоминавшее семейство и домашнее житье. Обращение было совсем иное, чем во всех других учебных заведениях» (169; 304–305).

Демократу Стасову вторит консерватор граф С. Д. Шереметев: «Принц Петр Георгиевич Ольденбургский... унаследовал от матери своей живую пламенную душу, горячо любившую Родину, а таковою он признавал Россию... которой посвятил свои силы, не щадя их, и делал все, от него зависящее, в непрестанных заботах о неимущих и страждущих: о детях, нуждающихся в воспитании. Это был великий и полный сердца «филантроп», у которого благотворительность была потребностью души... Да будет благословенна память его в земле Русской в роды родов! (Припомним, как в этой земле Русской не помявшие родства коммунистические идеологи всех уровней оплевывали все, что имело хотя бы какое-нибудь отношение к русской монархии. – Л. Б.) Да будет благословенна память его и в сердцах благодарных ему, их же несть числа. Одно присутствие такого человека близ престола, одно сознание, что во дворцах могут жить подобные люди, уже было великим утешением, которого лишились люди ныне, переживающие перемену столетий...

...Отношения его к людям дышали такою кроткою и благоволиительною простотою, что невольно привлекались к нему все сердца. На него можно было иногда досадовать, сожалеть о некоторой слабости его характера (по отношению к другим, а не к себе), удивляться тому, как он иной раз стушевывался, всегда избегая внешних оказательств... Человек глубоко верующий, безукоризненно нравственный, сильный духом, незлобный и смиренный, повелительный и нервный, большой хлопотун, неутомимый при исполнении служебных обязанностей, самим им создаваемых, в высшей степени подвижный, то и дело путешествующий по России для обозрения различных учреждений, ему подведомственных, в домашнем обиходе своем невзыскательный, живущий в великой простоте и умеренности, его центральной заботою было делание добра, его добросовестная мысль никогда не забывала блага России... Он по чувству и по вос-

питанию был более русский, чем его Августейшее родство, и он лучше других понимал, что «не русским» быть нельзя или нужно уходить и покинуть Россию» (195; 266–267).

И упомянутый выше Константин Николаевич, много сделавший для смягчения режима в русском флоте и отмены телесных наказаний в России, являясь председателем Государственного совета и затем Главного комитета по устройству крестьян, сыграл такую выдающуюся роль в освобождении крепостных, что заслужил у ненавидевших его реакционеров кличку «красный», а у снисходивших к нему советских историков – «лидер либеральной бюрократии».

Вполне естественно, что у хорошо воспитанных и образованных членов императорской фамилии такими же были их дети. Рано умершая дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, Екатерина Петровна, по воспоминаниям дружившего с ней С. Д. Шереметева, была большой любительницей русской литературы, которую неплохо знала благодаря своему преподавателю Н. П. Лыжину: «Лыжин, человек хороший, простодушный, но неотесанный... всеми нитями связан был с молодой Россией того времени и не только увлекался Герценом, Огаревым, но даже бредил Чернышевским со товарищи.

Екатерина Петровна впилась в Пушкина и Лермонтова. Ее книги испещрены были знаками ее карандаша. Она увлекалась Онегиным, но в особенности восхищали ее «Мцыри». По складу своему ей более нравился Лермонтов. Незаметно для себя Лыжин увлекся своей ученицей, задался ее развитием в духе современном. Дошло до того, что он ей тайком давал читать «Что делать?» Чернышевского. О Некрасове и говорить нечего, она была им пропитана <...>.

Екатерина Петровна скоро сумела различить правду от всего напускного, истинное художество пленяло и очаровывало ее. Помню появление новых произведений Тургенева «Дворянское гнездо», «Отцы и дети». Кто не помнит впечатления от этой книги и ее значение, а сколько потом разговоров, рассуждений и споров. Как восхищались мы высокою поэзией истинного художника, она уже понимала тогда, что это настоящее художество, что тургеневские произведения не имеют ничего общего с бреднями, вроде «Что делать?» Чернышевского. Ее занимала русская история, она вообще была усидчива и пытлива...

Живо помню день объявления манифеста 19-го февраля. Это было 5-го марта. Весь вечер просидели мы... и делились впечатлениями знаменательного дня. Екатерина Петровна была в возбужденном, восторженном состоянии» (195; 26–29).

В двух комнатках Екатерины Петровны (обе в два окна, одна проходная) «на полках стояли ее любимые авторы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, а также Жуковский, Некрасов и Хомяков, тут же стояли портреты Пушкина и Лермонтова и их бюсты, а также бюстик Князя П. А. Вяземского... На окнах стояли мраморные модели римских развалин...» (195; 27). Эта несчастливая в жизни девушка «одевалась просто и туалетами вообще мало занималась <...> не особенно любила свет и его удовольствия. Она вообще мало выезжала, но придворные балы были для нее обязательны» (195; 29–30).

Свой человек при дворе (в детстве за ним каждый вечер присылали из дворца для игры с маленькими великими князьями) и в свете, граф С. Д. Шереметев детально описал и обитателей дворцов, и обитателей света. Подробную характеристику дал он еще одной «иностранный» ветви императорской фамилии – принцам Лейхтенбергским: старшему – Николаю Максимилиановичу, председателю Минералогического общества, активно исполнявшему свои обязанности, много обещавшему, но ничего не сделавшему из-за внутренней пустоты; второму – Евгению, который «подавал ранние надежды на государственный разум при отсутствии принципов», спившемуся и разорившемуся; третьему – Сергею, самому способному и одаренному («Он, как и все, был слабо подготовлен в науках, но его истинная артистическая натура выделила его резко из обычной колеи. Он... хотя не вполне еще выработался, но многое обещал и в молодом поколении был единственным в своем роде... Незадолго до смерти он говорил мне, что жаждет окончания войны (с Турцией, 1877–1878 гг. – Л. В.), чтобы посвятить себя всецело искусству... Но Бог судил иначе... его сразила роковая пуля. Неумолимая смерть выхватила

его в цвете лет из той среды, где он мог быть особенно полезен»). «Четвертый и меньшой брат – Георгий или Юрий... рос в тени, заслоняемый братьями, нигде никогда не служил и ни к какому делу не пригоден... он почти ничему не учился и так был малограмотен, что Гр. Г. А. Строганов трунил над ним, говоря, что когда ему приходится подписываться «Georges», он всегда пишет «George» и никак нельзя его от этого отучить... Но он был добрее своих братьев; у него были хорошие стремления и побуждения...» (195; 173–174).

Как и повсюду, в императорской фамилии были очень достойные, порядочные, а нередко и дельные люди, а были и пустоцветы, в лучшем случае прожившие жизнь бесполезно для России, а иной раз принесшие ей вред и несчастья.

Чтобы покончить с вопросом о воспитании и образовании членов императорской фамилии, обратимся к самим императорам. О XVIII в. речь идти не может, так как, во-первых, на престоле в течение почти столетия нередко оказывались более или менее случайные люди, во-вторых, это по большей части были женщины, которых вообще не принято было перегружать знаниями, а в-третьих, и представления об образовании были еще весьма неустойчивы. Только один Павел I получил более или менее систематическое воспитание и образование. Но уже Александра Павловича воспитывали и учили довольно основательно: в это дело вмешалась его бабка, императрица Екатерина II, сама бывшая довольно образованным по тем временам человеком, хотя и добившаяся высокого уровня умственного развития преимущественно путем самообразования. Зато Николай Павлович получил весьма скромное образование, а воспитание его было чисто военное, отданное в руки гатчинского генерала. Но Николая к престолу и не готовили: кто же мог предполагать, что у Александра не будет сыновей. Позднее Николай I с сожалением отмечал большие пробелы в своем образовании. «Он нередко говорил: «Я получил бедное образование», – и так записал в своем дневнике, как мне это говорил... Шильдер, наш серьезный историк, имевший возможность... изучить мало кому доступные исторические источники» (64; 76). Очевидно, хорошо понимая пагубность этого, он передал воспитание цесаревича Александра Николаевича в руки одного из образованнейших и гуманнейших людей эпохи – поэта В. А. Жуковского, разработавшего серьезную программу подготовки наследника к занятию престола и приглашавшего к нему учителями выдающихся ученых. «Когда некоторые из этих лиц высказывали свои сомнения (приближенные Николая I по поводу приглашения Жуковского. – Л. Б.), то Государь им ответил следующими мудрыми словами: «Да, моего сына будет воспитывать Жуковский, и Я вам скажу почему. Я получил бедное образование и, быть может, гожусь для теперешнего времени, но Мой Сын будет царствовать в другое время, когда будут другие требования, и Он должен к ним подготовиться» (64; 78). Основательно готовили и Николая Александровича, старшего сына Александра II, по воспоминаниям современников, много обещавшего, но преждевременно умершего. И на престол пришлось взойти совершенно неподготовленному Александру Александровичу, человеку и посредственного образования, и посредственного ума, что обычно тесно связано.

Об Александре III, сыгравшем важнейшую роль в судьбах России, следует поговорить особо. Никто никогда не сказал ни слова о дурных человеческих качествах Александра III, разве что лишь отмечая его национализм, что есть, по большей части, результат воспитания, а воспитателем его был печально известный К. П. Победоносцев. Буквально обожавший Александра III С. Ю. Витте писал: «Говоря об императоре Александре III, я должен сказать, что хотя националистическая точка зрения, в истинном ее смысле, не была чужда духу императора Александра III, но национализм его был в высокой степени благородный.

Император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных. Более всех своих подданных, он, конечно, любил русских, но я думаю, что он был бы возмущен, если бы жил в настоящее время, то есть во время травли всех подданных Российской империи, которые не исповедуют взглядов Дубровина, Меньшикова, Пуришкевича и тому подобных субъектов. Император Александр III был русским патриотом, но высоко благородным и с точки зре-

ния благородства его души он, конечно, был русским императором, потому что он, наверно, был благороднее, нежели все его верноподданные» (39; I, 301–302). Но... «Я не стану спорить о том, что император Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать – он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным... Может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца...» (39; I, 398). «Воспитание и образование Александра Александровича было далеко не такое тщательное, как Цесаревича Николая Александровича; это условие было отчасти тоже общего характера, так бывало нередко в семьях монархов в разных странах, в разное время. Как будто считали, что Наследник престола застрахован от несчастий, от смерти...

Когда скончался Цесаревич... то Государь пригласил к себе О. Б. Рихтера и поручил ему руководить подготовкой Александра Александровича к предстоявшим ему обязанностям. Оттон Борисович говорил мне, что он пришел в ужас, когда узнал, как пренебрегали образованием Александра Александровича. По-русски он писал едва-едва грамотно, познания его по всем научным предметам были весьма ограничены...

Александр Александрович занимался хорошо, усердно исполнял учебную работу и проявил одну из основных черт своего характера – добросовестное отношение к своим обязанностям. Он не был быстр на соображение, но вдумчиво вникал в учебные занятия...» (64; 155).

Следует подчеркнуть, что действительно реакционная (то есть направленная на отступление назад от того, что было сделано при его отце) внутренняя политика Александра III приходится на первую половину, может быть на первое десятилетие, его царствования. Витте объясняет это крайне неблагоприятной внутривнутриполитической обстановкой, в которой вступил на престол Александр Александрович (чего стоит разгул революционного терроризма, завершившийся убийством Александра II!), а отчасти – пагубным влиянием ближайшего окружения, и прежде всего Победоносцева. Но даже и в то время было немало положительного (например, непереносимый перевод всех временнообязанных крестьян на выкуп, снижение выкупных платежей, открытие Крестьянского банка). В конце жизни Александра III виден определенный поворот во внутренней политике: «В последние годы, когда он уже имел опыт, видел, что такое Россия... воззрения его постепенно изменялись, – писал Витте. – В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным.

Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию по пути спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, то есть к тому пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа. Но император Александр III не успел этого сделать, потому что Бог призвал его к себе» (39; I, 405–406).

Говорят, что история не имеет сослагательного наклонения. Имеет! Так говорят лишь те, кто, движимый невежеством, личным, партийным или узко государственным эгоизмом (мировая революция, построение коммунизма, расширение лагеря социализма и т. п.), громоздит одну преступную ошибку на другую и ведет народ к несчастьям. Разве при минимальном историческом знании и широте взглядов трудно было понять, что невозможна победа в Афганистане и что нельзя лезть руками в осиное гнездо? А потом, когда народ в досталь умоется кровью и слезами, говорить: «Мало ли что было бы, если бы мы не ввели туда войска! Ведь история не имеет сослагательного наклонения!». И Витте прав: если бы Александр III процарствовал

еще лет десять, Россия пошла бы по иному историческому пути, и мы бы не имели того, что имеем. А если бы народовольцы 1 марта 1881 г. не преуспели в своих намерениях – тем более.

Но, так или иначе, узость умственных горизонтов Александра III, в конечном счете, привела Россию к трагедии XX в.: ничтожный преемник его лишь безвольно двигался по колее, проложенной его очень порядочным, но твердым в своих ретроградных убеждениях отцом. Николаю II давали весьма основательное образование, да только вот он его *не взял* в силу своих личных качеств. Например, с финансовыми делами его знакомили крупнейшие финансисты страны, в том числе А. Х. Бунге, подготовивший переход России к золотому обращению; однако, позируя однажды В. А. Серову, умевшему разговаривать модель, Николай в разговоре признался художнику, что ничего не понимает в финансах. Пустоту (чтобы не сказать пустоголовость) Николая II подтверждают многие современники, например, как увидим ниже, генерал Н. А. Епанчин, да, впрочем, подтверждает и судьба России.

Воспитание и образование наследников престола завершалось их путешествием по России и за границе. В этих длительных поездках они должны были детально узнать состояние своей страны и познакомиться с чужим опытом. Красила ли местная администрация к проезду августейших путешественников заборы и фасады, сказать трудно, но то, что ничего дельного они не видели, это признавал и кое-кто из великих князей.

При рождении, точнее при крещении, великие князья получали высший российский орден Св. Андрея Первозванного, а с ним и все остальные ордена, кроме орденов Св. Георгия и Св. Владимира, которые они могли получить только за личные заслуги. Князья императорской крови получали знаки Св. Андрея Первозванного при совершеннолети. Здесь уместно будет отметить, что если орден Св. Андрея Первозванного был высшим и получение его автоматически давало орден Св. Александра Невского, Белого орла (с 1831 г.) и первые степени орденов Св. Анны и Св. Станислава (также с 1831 г.), то все же самым почетным был Военный орден Св. Георгия Победоносца, а за ним по почетности следовал орден Св. Владимира. За всю историю ордена Св. Георгия кавалеров его 1-й степени (всего он имел четыре степени) было только 25, в том числе Екатерина II, как учредительница ордена, и Александр II, получивший его в связи со столетним юбилеем ордена, а кавалеров всех четырех степеней оказалось лишь четыре человека: М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, И. Ф. Паскевич и И. И. Дибич – все крупные полководцы. Знаки 4-й степени Военного ордена имели: Александр I за участие в битве при Прейсиш-Эйлау, Николай I – за 25 лет службы в офицерских чинах (до 1855 г. было такое правило пожалования креста с надписью «25 лет» или «18 кампаний» – для моряков), Александр II – за участие в военной экспедиции на Кавказе, Александр III – за успешное командование Восточным отрядом в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Николай II – за пребывание на фронте в качестве Верховного главнокомандующего. Конечно, если бы царь захотел, то Георгиевская кавалерская дума пожаловала бы ему знаки 1-й степени; кстати, Александру I и предложили 1-ю степень, но он отказался, заявив, что настолько уважает этот орден, что может принять только знак 4-й степени. Тем более, можно было получить любую степень ордена Св. Владимира. Однако Николай II носил только Владимирский крестик 4-й степени за выслугу. Выше уже говорилось, что самовластие русских самодержцев ограничивалось *приличиями*. Напомню читателям, как по предложению маршала И. Баграмяна «маршалу» Л. И. Брежневу был дан высший советский военный орден Победы, хотя по статуту этот орден мог даваться только военачальникам в ранге не ниже командующего фронтом за успешную операцию, приведшую к коренному перелому ситуации на фронте, а Брежнев во время Великой Отечественной войны был всего лишь полковником, начальником политотдела армии. Но зато ведь Брежнев был народным вождем, и его никакие феодально-буржуазные приличия не связывали, не так ли?

Материальное положение членов императорской фамилии, конечно же, не было сопоставимо с положением рядовых гвардейских, и уж тем более армейских, офицеров. К началу

XX в. личные доходы русского императора складывались из ежегодных ассигнований из Государственного казначейства, достигавших 11 млн руб., доходов с удельных земель и процентов от капиталов, хранившихся в английских и германских банках. Стоимость удельных владений достигала 100 млн руб. золотом, но доход с них составлял лишь 2,5 млн. Невелики были и суммы по процентам, так как было категорически запрещено вкладывать деньги в какие-либо иностранные или русские частные предприятия, и накопленные за 300 лет царствования Романовых драгоценности, оценивавшиеся в 160 млн, лежали мертвым капиталом. В общем годовой доход составлял около 20 млн. Но из этой огромной суммы великим князьям ежегодно выплачивалось по 200 тыс., великим княжнам при выходе замуж выдавалось приданое в размере 1 млн, а князьям и княжнам императорской крови при рождении выдавался капитал в 1 млн руб. Помимо множества малых императорских резиденций, приходилось содержать пять больших дворцов, а в одном только Зимнем дворце с его музейными коллекциями в начале XX в. было до 1,2 тыс. придворных служителей и лакеев. Штат Царскосельского дворцового управления с Екатерининским и Александровским дворцами достигал 600 человек. Колоссального количества прислуги, преимущественно садовников, требовал Петергоф. Нужно было содержать Гатчинский, Большой Кремлевский и Аничков дворцы: 3 тыс. дворцовых служащих нужно было платить жалованье, давать стол, форменную одежду, платить пенсии вышедшим в отставку; мало того, все придворные служители дважды в год, на Рождество и в день тезоименитства государя, получали подарки: золотые часы с бриллиантовым императорским вензелем, портсигары, броши, кольца и т. д. Убыточные пять Императорских театров тоже требовали субсидий, а в 1905 г. к ним добавилась знаменитая балетная труппа Сергея Дягилева. Поддержки требовала Академия художеств, никогда не укладывавшаяся в бюджет. И, наконец, огромные суммы уходили на благотворительность.

Мы сегодня гордимся и бывшими царскими дворцами, и нашими крупнейшими петербургскими и московскими театрами, и «Русскими сезонами» Дягилева. Это жемчужины нашей художественной культуры. Бросим ли мы камень в императорскую фамилию за миллионные траты на них?

В итоге на личные нужды императора оставалось около 200 тыс. руб., и при больших тратах на представительство, «как это ни покажется маловероятным, Самодержец Всероссийский (Николай II. – Л. Б.) испытывал материальные затруднения регулярно каждый год задолго до конца сметного периода. Это происходило оттого, что ему на непредвиденные расходы нужно было значительно более 200 тыс. руб. ежегодно... Государь... просто говорил: «Мы должны жить очень скромно последние два месяца» (29; 136).

Ежегодные 200 тыс. руб. на нужды великих князей – большие деньги. Но ведь и они точно так же содержали свои дворцы, свои малые дворы и свою прислугу, составляли коллекции, остатки которых, не разграбленные за время революции и не проданные ленинцами на разжигание мировой революции, вошли в наши музейные собрания, занимались благотворительностью. Ведь нынешний Русский музей – это бывший великокняжеский Михайловский дворец; кстати, управляющим музеем был великий князь Георгий Михайлович, крупнейший русский нумизмат. Принц Александр Петрович Ольденбургский проявлял буквально «благотворительную преданность науке. Он оказывал щедрую материальную поддержку всевозможным просветительным и благотворительным начинаниям, а также научным экспедициям и изысканиям. Он покровительствовал молодым, подающим надежду ученым, а они относились снисходительно к его неуравновешенности и чудачествам. Его назначение во время войны на пост начальника санитарной и эвакуационной части заставило подтянуться весь русский медицинский мир...» (29; 128).

Правда, вдобавок к содержанию членов фамилии великие князья получали дополнительное содержание по своей службе, что при высоких должностях составляло немалые суммы. Например, в 1916 г. Свиты Его Императорского Величества контр-адмирал великий князь

Кирилл Владимирович получал на службе жалованья 2,3 тыс. руб., столовых по должности 2,7 тыс. руб. и по состоянию в свите 792 руб. в год – нормальное адмиральское жалованье. И тем не менее некоторым денег не хватало. При увольнении в 1881 г. от должностей генерал-адмирала и председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича он писал статс-секретарю Головнину: «Ты ведь знаешь, что у меня денег очень немного и что при обыкновенной жизни мы едва сводим концы с концами. Теперь же приходится мне очень жутко. Чтоб иметь достаточные средства, необходимо мне иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни...» (30; 350).

Великие князья Николай Николаевич-младший (будущий главнокомандующий в 1914–1915 гг.) и Петр Николаевич запутались в долгах и просили купить у них дворец их отца, Николая Николаевича-старшего, в казну; после выкупа в Николаевском дворце был устроен Ксенинский институт. Точно так же в казну за 4 млн руб. был выкуплен у внуков Михаила Павловича, сыновей принца Мекленбургского, Михайловский дворец, в котором затем был устроен Русский музей; «при очистке дворца были сняты все ценные двери, камин, вообще все украшения, которые, в сущности, у нас не признаются движимым имуществом, а считаются принадлежностями недвижимого имущества. Но, тем не менее, принц все это ободрал...» (39; I, 434). Ходили слухи, что причиной пожизненной ссылки Николая Константиновича в Туркестан была кража им то ли колье, то ли драгоценных окладов с икон из спальни своей матери; великий князь Александр Михайлович и генерал А. А. Мосолов пишут, что причиной ссылки было неизлечимое психическое расстройство (официальная версия), но при психическом расстройстве людей лечат, помещают в лечебницы, однако не ссылают на окраины страны. Если кража действительно имела место, то это свидетельствует как о привычке к широкой жизни, при которой не хватало такого чрезвычайного содержания, так и о довольно гибкой морали членов фамилии. Кстати, генерал Н. А. Епанчин рассказывает, как при одних казусных обстоятельствах Николай Николаевич-младший сказал министру двора В. Б. Фредериксу, что «он не понимает, почему его все ненавидят, а отца его обожали». «Ты этого не понимаешь, – сказал Фредерикс, – так я тебе объясню: твой отец был джентльмен» (64; 144).

Больших денег требовал высочайший стол. Точнее, речь идет не о пище самих императоров: известно, что многие из них, особенно Николай I и Александр III, были весьма скромны и непритязательны, даже скуповаты в быту, довольствуясь простыми блюдами русской кухни; Александр III любил обычные щи и гречневую кашу, а из напитков предпочитал водку («Сам император Александр III любил пищу чрезвычайно простую... будучи уже, бедный, больным, в последние полгода его жизни или немного более иногда просил, как лакомства, чтобы ему приносили обед обыкновенный солдатский или охотничий из ближайших казарм или охотничьей команды» (39; I, 400). Высочайшим столом пользовались все, кто имел какое-либо прикосновение к дворцовой жизни, вплоть до прислуги. Все, что относилось к столу и его церемониалу, находилось в заведовании гофмаршала и его помощников, носивших прозвище «полковники от котлет». Стол разделялся на три категории: стол их величеств и их ближайшей свиты; стол гофмаршала, для свиты не непосредственной и для сановников, приглашенных ко двору; стол прислуги с двумя подразделениями соответственно чинам.

При Николае II первый завтрак состоял из кофе, чая или шоколада, хлеба и масла; можно было требовать ветчину, яйца, бекон. Поскольку часто заказывали калачи, а предпочитались калачи московские, то для их выпечки в Петербург в специальных цистернах привозили воду из Москвы-реки; поскольку калачи полагалось есть горячими, их подавали завернутыми в подогретые салфетки. Экие затейники!

Второй завтрак подавали в полдень. Ему предшествовали закуски: икра, балыки, селедка, маленькие сэндвичи, сосиски в томатном соусе, горячая ветчина и т. д., а также водка. После закуски все рассаживались по предназначенным местам. На завтрак подавались два блюда, каждое в двух видах: яйца или рыба, мясо белое или черное; можно было брать все четыре

блюда. Ко второму блюду подавались овощи. В конце завтрака подавались компоты, фрукты и сыры. Когда не было приглашенных, за тем же столом подавали кофе, при приглашенных к столу кофе после десерта пили в другом зале или в саду; кофе пили стоя.

В пять часов подавался чай. Посторонним для чая требовалось особое приглашение.

Обед был в восемь часов вечера. Он начинался с супа с маленькими волованами, пирожками или гренками с сыром. Затем шли рыба, жаркое, овощи, сладкое, фрукты и кофе.

Естественно, к завтраку и обеду подавали мадеру, белое или красное вино, а по желанию – пиво. Каждый обед и завтрак длился ровно 50 минут; начало этой традиции положил Александр II.

Помимо обычных поставок к высочайшему столу, была одна, так сказать, необычайная: «презент» уральских казаков. По традиции, с началом весеннего лова осетровых рыб в реке Урал лучшую рыбу и свежепросольную икру как можно скорее с особой делегацией заслуженных казаков везли в Петербург. За это делегация получала подарки, обычно золотые часы с двуглавым орлом. Подношения делались также министру двора, великим князьям и высшим сановникам.

Винных погребов было два: обычный и «запасной», в котором хранились особо ценные вина. Прежде все вина были иностранными, но Александр III приказал держать лишь российские вина, подавали заграничные, только если к столу приглашались иностранные монархи или дипломаты.

Гофмаршальский стол, которым пользовались сам гофмаршал, министр двора, обер-гофмейстерские и свитские фрейлины, военное дежурство и офицеры, несшие в этот день караулы во дворце, а также лица, представлявшие императору, но не приглашенные к высочайшему столу, мало чем отличался от стола их величеств, разве только подавали меньше фруктов и ранних овощей.

«Стол прислуги, – писал А. А. Мосолов, – должно быть, был очень вкусным. Мой лакей все только толстел и толстел и покупал пояса подлиннее...» (117; 222).

Мосолов описывает время царствования Николая II. Об этой же стороне дела при Александре III С. Ю. Витте пишет: «Я не могу не сказать, что в его царствование, когда я был министром, при дворе ели сравнительно очень скверно. Я не имел случая часто бывать за столом императора, но что касается так называемого гофмаршальского стола, то за этим столом так кормили, что, можно сказать, почти всегда, когда приходилось там есть, являлась опасность за желудок. И, кажется, император Александр III не мог достигнуть того, чтобы исправить гофмаршальскую часть» (39; I, 400).

Что касается туалетов, то все мужчины носили военную форму, женщины же одевались по моде и вкусу. Больших трат требовали драгоценные украшения. Например, супруга Николая II, императрица Александра Федоровна, предпочитала крупный жемчуг; одно из ее ожерелий доходило до колен. Ее сестра, Елизавета Федоровна, любила надевать диадему с крупным изумрудом величиной в 3 кв. см. На балах великие княгини появлялись в драгоценностях, соответствующих цвету туалета: жемчуга и бриллианты или рубины и бриллианты – при розовых тканях, сапфиры и бриллианты – при голубых и т. д.

Обстановка внутренних комнат также отвечала вкусам и традиции. До советских времен сохранялась личная комната Николая I; спал он на узкой походной кровати, на тоненьком тюфячке, набитом сеном, покрывался вместо одеяла шинелью. Такая же кровать, но накрытая шалью, стояла в опочивальне его супруги. «Комната эта была небольшая, стены оклеены простыми бумажными обоями, на стенах несколько картин. На камине большие часы в деревянной отделке, над часами большой бюст графа Бенкендорфа. Тут стояли: вторая походная кровать государя, над ней небольшой образ и портрет великой княгини Ольги Николаевны... вольтеровское кресло, небольшой диван, письменный рабочий стол, на нем портреты императрицы и его детей и незатейливое убранство; несколько простых стульев; мебель вся крас-

ного дерева, обтянута темнозеленым сафьяном, большое трюмо, около коего стояли его сабли, шпаги и ружье, на приделанных к рамке трюмо полках стояли склянка духов... щетка и гребенка. Тут он одевался и работал... тут же он и скончался!» (174; 296–297). Такая же традиция была и у его сыновей. Вообще для Романовых была характерна некоторая скупость, усугублявшаяся немецкой бережливостью женского состава фамилии. Известно, что Петр I совершенно не придавал значения ни пище, ни одежде, ни обстановке и жил не лучше какого-нибудь шкипера или мастерового. Напротив, его дочь Елизавета Петровна, проведшая юность в бедности, став императрицей, отличалась безумным мотовством, ежедневно надевая новое платье. Любила роскошь и Екатерина II. В XIX в. простотой обихода отличался Александр III, о пище которого уже шла речь. Об этом даже ходили анекдоты. Так, министр иностранных дел Ламздорф, со слов своего предшественника Гирса, рассказывал, что быстро полневший из-за болезни царь отдавал распоряжение вставлять клинья в свои штаны. А министр внутренних дел Игнатьев говорил, будто бы встретил царя в парке с дочерьми, ведущего за руку маленькую девочку; на вопрос, кто эта девочка, Александр ответил, смеясь, что это наследник престола, донашивающий платья своих сестер. Великий князь Гавриил Константинович вспоминал, что зимой они носили красивые бархатные пальто, отороченные соболем; эти пальто передавались от старших к младшим.

Дорого стоило не само содержание царской семьи, дорого стоило содержание двора, считавшегося самым роскошным в Европе. Полагали, что того требовало величие державы: в глазах иностранцев двор представлял Россию. Фрейлина жены Николая I Мария Фредерикс писала: «Вся обстановка их была царская, величественная; они понимали, что престиж необходим в их высоком положении. Большие балы и обеды давались очень часто в течение всего года во дворце» (174; 299). Фрейлина цесаревны А. Ф. Тютчева утверждала, что русский двор был самый пышный, самый блестящий и самый светский из всех европейских дворов, и цесаревна, принцесса Дармштадтская, буквально испытывала ужас перед своей неожиданно блестящей судьбой (183; 77).

Эта дороговизна двора усугублялась колоссальным воровством дворцового персонала. Хорошо осведомленный начальник канцелярии министерства двора А. А. Мосолов вспоминал, что по традиции все конфеты, не съеденные приглашенными лицами, шли в распоряжение прислуги: по словам гофмаршала двора, «изменить эту традицию было бы слишком трудно. Будет масса недовольных... А гости все равно не получают того, что будет для них приготовлено» (117; 218). Мосолов пишет: «Блюстителем установленных обычаев при дворе была вся низшая прислуга, происходившая из дворцово-служительского сословия, существовавшего при крепостном праве. То были крепостные лично государя. Впоследствии сословие это юридически перестало существовать, но почти все придворные служители происходили из потомков этих крепостных и представляли весьма сплоченную среду, как бы племя или касту. Было почти немислимо противодействовать традиционности, впрочем, совершенно не касавшейся их политических убеждений. При выборах в Думу дворцовая прислуга голосовала преимущественно за эсеров» (117; 217–218). Встречаются упоминания о том, что при поставках ко двору цены завывались в два и более раз; эта практика, между прочим, даже нашла отражение в своеобразном «народном» сказе Н. С. Лескова «Леон, дворецкий сын». О злоупотреблениях при дворе пишет и генерал Н. А. Епанчин. Он повествует о случае, когда прогуливавшийся в окрестностях Гатчины Александр III встретил крестьянина, везшего воз метел на рынок. На вопрос, почему он не продает метлы во дворец, тот ответил, что на рынке платят значительно больше да к тому же во дворце нужно долго ждать расчета. За весь воз он просил 10 руб. Император направил его во дворец и там приказал купить у него метлы по указанной цене, а затем, вызвав лицо, занимавшееся такими закупками, узнал, что обычно за метлы платят «много выше 10 рублей. Этот случай, наверно, вызвал, где следует, своего рода панику, но не знаю, повлияло ли это на упорядочение поставки метел во дворец...

В придворном хозяйстве... была не только небрежность, но и недобросовестность...

В таком большом хозяйстве, как дворцовое, было много служащих, и даже самый строгий контроль не мог устранить злоупотреблений... Борьба с этим злом было нелегко. Известно, что когда однажды Император Николай Павлович потребовал сальную свечу, чтобы смазать нос по случаю насморка, то с тех пор в счетах выводилась ежедневно одна сальная свеча, якобы по требованию Государя.

Подобное происходило и при Императоре Александре III, о чем мне рассказывал лейб-медик К. Г. Гирш... Однажды к нему в Петергоф приехали двое-трое его знакомых. Гирш решил угостить их чаем; не имея своего хозяйства, он спросил гоф-фурьера, можно ли сервировать чай для его гостей; тот отвечал, что вполне возможно, и в назначенное время был подан чай с печеньями, фруктами, конфетами и шампанским, чего Гирш вовсе не просил. На его замечание гоф-фурьер ответил, что это уж так установлено... и что Гирш, по своему званию, имеет полное право его получать.

Однако через некоторое время гофмаршал... при случае шутя намекнул Гиршу, что он, по-видимому, очень любит фрукты, конфеты и шампанское, так как каждый день ему подается угощение... Оказалось, что те, кому это было выгодно, выводили ежедневно в расход на имя Гирша известный номер с того дня, как он просил подать чай для его знакомых.

Помню хорошо и не забуду никогда другой случай. Однажды, после Высочайшего завтрака в Петергофе при Императоре Александре III, я зашел к... дворцовому коменданту... Гессе...

Я застал Петра Петровича чрезвычайно взволнованным... Гессе... сказал мне, что он раздражен тем, к чему бы давно следовало привыкнуть. «Вот ты был на завтраке. Как ты думаешь, что может стоить завтрак? Рублей десять или что-нибудь в этом роде, а выведут в расход много раз больше» (64; 180–181).

Если у такого строгого Императора, как Николай I, в буквальном смысле слова под носом происходило воровство, то что же творилось за стенами дворца?!

Впрочем, воровство, и самое тривиальное, «детское», было характерно не только для дворцовых служащих. А. А. Игнатъев писал, что после придворных балов, сопровождавшихся ужином, приглашенные буквально грабили стол, расхватывая оставшиеся дорогие фрукты и конфеты. Однако и генерал Епанчин пишет, что однажды Александр III обратил внимание на значительный расход фруктов и конфет и вообще угощения во время дворцовых приемов. «Иногда приглашенных было немного, а расход на угощение выводился очень большой... Гости не могли уничтожить все это количество. Особенно государь обратил внимание на расход фруктов...» Победоносцев, с которым царь беседовал, сказал, что такой расход вполне возможен: сам он съел один апельсин, а другой и грушу взял для своей приемной дочери. Сам Епанчин признается, что «держался такого обычая и привозил нашим детям, когда они были маленькие, «Царские гостинцы» (64; 179). Описывая патриархальные времена Александра I и старого русского барства, граф В. А. Соллогуб вспоминал о возвращениях своей бабушки Е. А. Архаровой с придворных обедов: «Весь дом ожидал нетерпеливо ее возвращения... Впереди выступал Дмитрий Степанович (дворецкий. – Л. Б.)... В каждой руке держал он тарелку, наложенную фруктами, конфетами, пирожками – все с царского стола. Когда во время обеда обносился десерт, старушка не церемонилась и, при помощи соседей, наполняла две тарелки лакомою добычею. Гоф-фурьер знал, для чего это делалось, и препровождал тарелки в пресловутый рыдван. Возвратившись домой, бабушка разоблачалась... и садилась в свое широкое кресло... Начиналась раздача в порядке родовом и иерархическом. Мы получали плоды отборные, персики, абрикосы и фиги, и ели почтительно и жадно. И никто в доме не был забыт, так что и Аннушка кривая получала конфекту, и Тулем удостоивался кисточкою винограда, и даже карлик Василий Тимофеич откладывал чулок и взыскивался сахарным сухариком» (166; 381).

Жизнь императорской фамилии, начиная с самого царя, была строго регламентированной. Уже само воспитание маленьких великих князей, в соответствии с тогдашними понятиями, зачастую грешило излишней суровостью. Александр Михайлович писал: «Следуя по стопам своего отца Императора Николая I, человека исключительной прямолинейности и твердости взглядов, отец мой считал необходимым, чтобы его дети были воспитаны в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга... [Он] не разделял современных принципов нежного воспитания...

Поэтому не было ничего удивительного в том, что радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет...

– С завтрашнего дня, – объявил мне отец, – ты уйдешь из детской. Ты будешь жить с братьями Михаилом и Георгием. Учись и слушай своих учителей...

С этого дня и до пятнадцатилетнего возраста мое воспитание было подобно прохождению строевой службы в полку. Мои братья Николай, Михаил, Сергей и Георгий и я жили как в казармах. Мы спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски. Я помню, что много лет спустя, уже после моей женитьбы, я не мог привыкнуть к роскоши широкой кровати с двойным матрацем и полотняным бельем и потребовал назад мою старую походную кровать.

Нас будили в шесть часов утра. Мы должны были сейчас же вскакивать, так как тот, кто рискнул бы «поспать еще пять минут», наказывался самым строжайшим образом.

Мы читали молитвы, стоя в ряд на коленях перед иконами, потом принимали холодную ванну. Наш утренний завтрак состоял из чая, хлеба и масла. Все остальное было запрещено, чтобы не приучать нас к роскоши.

Затем шел урок гимнастики и фехтования. Особое внимание было обращено на практические занятия по артиллерии, для чего в нашем саду стояло орудие... В возрасте десяти лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города.

От 8 часов утра до 11 и от 2 до шести мы должны были учиться... Наша учебная программа, разделенная на восьмилетний период, состояла из уроков по Закону Божьему, истории православной церкви, сравнительной истории других исповеданий, русской грамматики и литературы, истории иностранной литературы, истории России, Европы, Америки и Азии, географии, математики (заклучавшей в себе арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию), языков французского, английского и немецкого и музыки. Сверх того, нас учили обращению с огнестрельным оружием, фехтованию и штыковой атаке. Мои старшие братья Николай и Михаил изучали также латинский и греческий языки, нас же, младших, освободили от этой пытки.

Учение не было трудным ни для меня, ни для моих братьев, но излишняя строгость наставников оставила в нас всех осадок горечи. Можно с уверенностью сказать, что современные любящие родители воспротивились бы, если бы их детей воспитывали так, как это было принято в русской Императорской семье эпохи моего детства.

Из-за малейшей ошибки в немецком слове нас лишали сладкого. Ошибка в вычислении скоростей двух встречных поездов... влекла за собою стояние на коленях носом к стене в течение целого часа.

Однажды, когда мы были доведены до слез какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны.

Для меня всегда останется непостижимым, как такая давящая система воспитания не притупила наши умы и не вызвала ненависти ко всем тем предметам, которым нас обучали в детстве» (29; 14, 16–17).

Великий князь Гавриил Константинович также вспоминал: «Отец был с нами очень строг, и мы его боялись, «не могу» или «не хочу» не должны были для нас существовать. Но

отец развивал в нас и самостоятельность: мы должны были делать все сами, игрушки держать в порядке, сами их класть на место. Отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, он желал, чтобы первым нашим языком был русский. Поэтому и няни у нас были русские, и все у нас было по-русски» (30; 8). Это – об одном из образованнейших и гуманнейших великих князей, Константине Константиновиче, который, по словам многих современников, в бытность начальником военно-учебных заведений, буквально избаловал кадетов, лично забавляясь с ними и спуская им с рук все провинности (один из бывших кадетов вспоминал, как к ним в летний лагерь приехал на велосипеде, тогда большой редкости, Константин Константинович и вошел в домик начальника лагеря; схватив велосипед, мальчик начал делать круг за кругом вокруг домика и был выведен из упоения лишь громким хохотом великого князя, стоявшего на крыльце в окружении офицеров; этим хохотом для кадета все и обошлось).

Но буквально вопиющим является пример воспитания великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. В соответствии с постулатами старинной педагогики, главным в воспитании детей было: добиться исключительного послушания, выбить из них упрямство и строптивость. А маленький (и взрослый тоже) Николай был в высшей степени упрям. Его воспитатель генерал Ламздорф, из гатчинцев, грубый и вспыльчивый, порол великого князя едва ли не ежедневно, а однажды, осерчав, схватил воспитанника за шиворот и так ударил головой о стену, что тот потерял сознание.

Строгость в воспитании особенно распространялась на поведение в обществе. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Мы, дети, должны были во время завтраков и обедов очень следить за собой и отнюдь не начинать разговаривать, пока нас не спрашивали. Как часто... должны были мы сдерживаться, молчать и слушать важного генерала, который разглагольствовал о нелепости последних политических планов Дизраэли.

Если же к нам обращались с каким-либо вопросом, что, конечно, делалось из чувства подобострастия перед наместником Его Величества, то мы должны были отвечать в тех рамках, которые нам предписывал строгий этикет. Когда какая-нибудь дама с приторно сладкой улыбкой на губах спрашивала меня о том, кем бы я хотел быть, то она сама прекрасно знала, что великий князь Александр не может быть ни пожарным, ни машинистом, чтобы не навлечь на себя неудовольствия великого князя – отца... Брат Георгий (талантливый рисовальщик. – Л. Б.) как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора.

Порядок распределения мест за столом исключал для нас, детей, всякую возможность посмеяться над теми или иными странностями гостей или же пошептаться между собой. Нам никогда не позволяли сидеть вместе, а размещали между взрослыми. Нам было объяснено, что мы должны были вести себя в отношении наших соседей так, как вел бы себя наш отец. Мы должны были улыбаться неудачным островам наших гостей и проявлять особый интерес к политическим новостям» (29; 18–19).

Строгость воспитания маленьких великих князей приводила к тому, что для посторонних глаз их поведение в соответствии с требованиями этикета казалось врожденным. Фрейлина А. Ф. Тютчева так писала по поводу участия членов фамилии в богослужениях в придворной церкви: «Члены императорского дома... держали себя в церкви примерно и, казалось, молились с истинным благочестием. Император Николай (Николай I. – Л. Б.) стоял один впереди, рядом с хором певчих и подпевал им своим красивым голосом. Лицо цесаревны выражало полную сосредоточенность. Ее сопровождали все дети, даже самый маленький, которому не было еще 3 лет и который стоял молча и неподвижно, как и остальные, в продолжение всей длинной службы. Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако, не

приходилось никогда прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали» (183; 100).

А этикет этот был весьма обременителен. «Во время утреннего кофе, между девятью и десятью часами, вокруг императрицы собирались все – и дети и внучата, которые регулярно приходили к ней здороваться. Это не всегда было удобно, особенно для маленьких детей, которые уже учились и занятия которых прерывались потому, что они должны были идти приветствовать бабушку (вдову Павла I. – *Л. Б.*). Еще в Зимнем дворце приходилось только переходить через множество коридоров, зал и лестниц, но в Царском и в Петергофе императрица любила пить утренний кофе в одном из отдаленных павильонов в парке, приходилось следовать туда за ней, и добрая часть утра проходила в таких прогулках, не говоря уже о развлечении, которое мешало затем детям заниматься. В частной жизни, живя в одном и том же доме, естественно детям приходило к родителям здороваться; при дворе, однако, благодаря размерам дворца и садов, благодаря торжественному церемониалу, которым сопровождаются все передвижения членов императорского дома, эти семейные собрания принимали характер событий исключительной важности. . . В Царском и в Петергофе по утрам можно было видеть большой запряженный фургон, нагруженный кипящим самоваром и корзинами с посудой и булками. По данному сигналу фургон мчался во весь опор к павильону, назначенному для встречи. Через несколько минут можно было наблюдать, как великие князья в форме, великие княгини в туалетах, дети в нарядных платьицах, дамы и кавалеры свиты поспешно направлялись к намеченной цели. При виде этого церемониала по поводу простого питья кофе, я часто вспоминала анекдот про пастуха, который на вопрос, что бы он стал делать, если бы был королем, отвечал: «Я бы стал пасти своих овец верхом». Великие мира сего все более или менее выполняют программу пастуха, они пасут свои стада верхом, и если они редко совершают великие дела, зато превращают житейские мелочи в великие дела. Громадное значение и грандиозные размеры, которые принимают для них самые простые события в жизни, как обеды, прогулки или семейные встречи, требуют столько времени, столько внимания и сил, что их уже не хватает на более серьезные предметы. Жизнь государей, наших по крайней мере, так строго распределена, они до такой степени ограничены рамками не только своих официальных обязанностей, но и условных развлечений и забот о здоровье, они до такой степени являются рабами своих привычек, что поневоле должны потерять всякую непосредственность. . . Никогда не имеют они возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Часы бьют, – им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце» (183; 95).

Регламентировался каждый шаг членов императорской фамилии, поскольку он в глазах общества и за границы имел государственное значение. Кстати, поездка за границу была возможна только с дозволения императора. Выбор профессии и места службы, характер учебы, как уже мы видели, был вне воли великого князя. Лишь в начале XX в. двое юных великих князей смогли проходить нормальную учебу в Пажеском корпусе, как приходящие учащиеся, а один даже учился в Александровском лицее – небывалый случай приобретения высшего гражданского образования; да и то по окончании лицея служить он поступил в полк. Заключение брака великих князей и княжон было актом государственного значения, и разрешение давалось самим императором, а брак без дозволения, а тем более на лице неавгустейшей крови и уж тем более на «разводке», навлекал репрессии: изгнание со службы и из страны. По достижении совершеннолетия великие князья при особой обстановке двойную присягу. Вот текст высочайшего приказа по поводу присяги великих князей Иоанна и Гавриила Константиновичей:

«1. 6 января, в день, назначенный для присяги Их Высочеств Князей Иоанна Константиновича и Гавриила Константиновича, по разосланным от Высочайшего двора повесткам соберутся в Царскосельском Большом Дворце к 11 ч. утра: Придворное духовенство, обер-гоф-

мейстерина, статс-дамы, камер-фрейлины и свитные фрейлины их императорских величеств государынь императриц и гофмейстерины и фрейлины их императорских высочеств великих княгинь. Первые чины императорского двора, его императорского величества генерал-адъютанты, Свиты его величества генерал-майоры, флигель-адъютанты и состоящие при их императорских высочествах великих князьях генералы и адъютанты; особы двора его императорского высочества великого князя Константина Константиновича и кавалеры великокняжеских дворов. <...>

1. По окончании литургии их высочества князь Иоанн Константинович и князь Гавриил Константинович подойдут к поставленному перед алтарем аналою, перед Животворящий Крест и Святое Евангелие, для произнесения, на основании учреждения об императорской Фамилии, присяги, как в верности царствующему государю и Отечеству, так равно в соблюдении права наследства и фамильного распорядка. Присягу, особо для сего установленную, князь Иоанн Константинович и князь Гавриил Константинович читают вслух, а засим утверждают ее своею подписью и передают присяжные листы министру иностранных дел, для хранения в государственном архиве.

2. Вслед засим внесены будут в церковь штандарты лейб-гвардии Конного и лейб-гвардии Гусарского его величества полков и поставлены у аналоев.

Князь Иоанн Константинович изволит подойти под штандарт лейб-гвардии Конного полка, а князь Гавриил Константинович – под штандарт лейб-гвардии Гусарского его величества полка, где и принесут на верность службы государю и отечеству присягу, которая будет читана вслух их высочествами» (30; 72).

Даже такое, казалось бы, легкомысленное и веселое действо, как придворный бал, для членов фамилии было тягостной обязанностью, строго обставленной: «Оркестр играет полонез. Церемониймейстеры трижды ударяют своими жезлами. Арапы раскрывают двери Малахитового зала, и все склоняются...

Придворный полонез являлся настоящим священнодействием. Государь шел в первой паре под руку с женой главы дипломатического корпуса. Великие князья распределяли между собой жен остальных дипломатов, а послы шествовали с великими княгинями. Обер-гофмаршал, окруженный церемониймейстерами, – каждый с жезлом в руках – шел впереди царя и делал вид, что прокладывает ему путь. После первого тура происходил обмен дамами, причем строго соблюдался ранг каждой из них. Количество туров зависело от того, сколько дам приглашено Его Величеством. Приглашенные, кроме перечисленных мною лиц, в полонезе участвовать не могли.

После полонеза начинался вальс... Если какая-нибудь великая княгиня желала танцевать, то она поручала своему «кавалеру» привести указанного ею молодого человека. Но, в виде общего правила, великие княгини в «легких» танцах не участвовали...

После мазурки (во время коей государыня стоит около портрета Николая I и разговаривает со своим «кавалером», важным, но не очень старым офицером гвардии), Их Величества переходят в зал, где приготовлен ужин. Впереди, само собой разумеется, шествуют церемониймейстеры.

Стол высочайших особ накрывался на особой эстраде, и все приглашенные рассаживались спиной к сцене, так что публика, проходя через зал, могла видеть каждого ужинающего. Старшина дипломатического корпуса садился направо от государя, налево садился великий князь Михаил Александрович, в то время наследник престола. Остальные великие князья и княгини размещались в соответствии с их рангом попеременно с дипломатами и первыми чинами двора, армии и гражданской службы. Без андреевской ленты попасть за этот стол было трудно.

В том же зале находилось несколько круглых столов, украшенных пальмами и цветами: каждый из них был сервирован на 12 человек, заранее назначенных. В остальных залах всякий устраивался, как умел.

Государь сам не ужинал. Обходил приглашенных и присаживался к столу, если желал с кем-нибудь поговорить. Все это, конечно, разыгрывалось как по нотам. Царь не мог стоять около стола, ибо тогда всем двенадцати ужинающим пришлось бы вытягиваться в струнку в течение всей беседы. Дело ограничивалось следующим образом.

У каждого из столов, где царь должен был разговаривать, оставлялось для него свободное кресло. Скороход помещался, так сказать, на часах у этого кресла. Царь садился на кресло и делал знак остальным ужинающим этого стола: им разрешалось не вставать. Свита отходила на несколько шагов в сторону и ждала окончания беседы. В нужный момент скороход подавал условленный знак, и свита снова занимала свое место сзади стола...

По окончании ужина государь брал императрицу под руку и отводил ее в Николаевский зал, где начинался котильон. Вскоре после этого высочайшие особы незаметно удалялись во внутренние апартаменты. На пороге Малахитового зала Их Величества прощались со свитой.

После этого министр двора, свита, церемониймейстеры и обер-гофмаршал поднимались на верхний этаж, где для них сервировался особый ужин» (117; 200–202).

В конце XIX в. первый бал сезона в Николаевском зале устраивался примерно на 3 тыс. приглашенных. Менее пышными были придворные «концертные» и «эрмитажные» балы, куда приглашалось соответственно по 700 и 200 персон. На Николаевский бал приглашались «особы первых четырех классов», иностранные дипломаты с семьями, старейшие офицеры гвардейских полков с женами и дочерьми, молодые офицеры как «танцоры», некоторые лица по указанию императора и императрицы.

Большое место в дворцовом обиходе занимали высочайшие выходы – особая церемония, происходившая по большим праздникам. Выходы делились на большие и малые. На первых, происходивших в дни больших праздников и особых торжеств, должны были присутствовать все придворные чины. На вторые, совершавшиеся в обычные воскресные дни и второстепенные праздники, посылались личные приглашения. На больших выходах мужчины были в парадной форме, при орденах, а дамы – в придворных костюмах, на малых кавалеры были в обыкновенной форме, а дамы – в городских костюмах. Выходы заключались в том, что высочайшие особы торжественно выходили из внутренних комнат и следовали в церковь, а затем возвращались в личные апартаменты с тем же церемониалом. За полчаса до выхода члены императорской фамилии собирались в Малахитовом зале, куда могли входить только высочайшие особы. Вход в него охраняли придворные арапы. Придворные чины собирались в других залах. В первой паре следовали император и императрица либо вдовствующая императрица, а царствующая императрица следовала сзади. Министр двора следовал на шаг сзади императора, держась справа. За ним, друг другу в затылок, – почетное дежурство: один генерал-адъютант, один свитский генерал и один флигель-адъютант. Остальные члены кортежа шли попарно. Выйдя из Малахитового зала в Концертный, их величества останавливались и отвечали на поклоны собравшихся придворных чинов, имевших право «входа за кавалергарды», то есть за караул кавалергардов, стоявший у входа в Концертный зал и охранявший внутренние апартаменты. По знаку обер-церемониймейстера, первые чины двора начинали шествие в порядке старшинства: чем старше ранг, тем ближе к императору. За первыми чинами двора, немного отступив, шествовали их величества, за ними члены императорской Фамилии, также по старшинству, то есть по порядку престолонаследия, затем – придворные дамы, сановники разного рода, министры, сенаторы, военная свита. Шествие двигалось через Николаевский зал, занятый офицерами гвардейских полков. В дальнейших залах находились лица, допущенные на выход, и именитое купечество. В церковь разрешалось входить только членам фамилии, особо важным сановникам и гофмейстерам, остальные же ожидали конца службы вне церкви. Воз-

вращаясь из церкви в том же порядке, их величества останавливались в Концертном зале, и им представлялись вновь назначенные фрейлины, иные дамы, удостоившиеся высоких отличий, а в январе, после водосвятия, – и весь дипломатический корпус с дамами.

Много времени отнимали праздничные церемонии. Так, в Крещение обряд водосвятия торжественно совершался митрополитом в специально выстроенном павильоне на Неве, напротив Зимнего дворца, в присутствии двора и войск гвардии, при большом стечении народа. На Пасху императорская чета должна была похристосоваться со всеми чинами двора и свиты, сановниками, придворным духовенством, представителями всех частей гвардии и Петербургского гарнизона, причем от каждой роты являлись фельдфебель, унтер-офицер и рядовой, с чинами Конвоя Его Величества, всеми чинами, бывшими в пасхальную ночь в карауле во дворце, с придворными певчими, дворцовой прислугой – всего с несколькими тысячами человек. Христосование продолжалось три дня. Сначала каждый христосовался с государем, пожимая ему руку, затем – с государыней, получая от нее фарфоровое яйцо и целуя ей руку. «После христосования государь должен был идти мыть лицо и бороду – вода становилась черной, а рука государыни темнела и опухала. В приказах по частям, представители которых являлись на Пасху, писалось, чтобы нижние чины не фабрили усов и бороды» (30; 76).

Много времени занимали и так называемые представления императору и императрице – особая придворная церемония, краткая аудиенция при приезде в столицу кого-либо из имеющих на это право, или при отъезде, уходе в отпуск и возвращении из него, назначении на должность, производстве в чин, награждении орденом и т. д. Совершалось также представление великим князьям и княгиням. На него имели право военные и штатские генералы, статские советники, их жены и дочери, назначенные во фрейлины. Мужчины испрашивали позволения представиться через гофмейстеров, дамы – через гофмейстерин. В назначенный день мужчины являлись в парадной форме, при орденах, штатские – во фраках, белых жилетах и галстуках, дамы утром были в светлых шелковых платьях без декольте и в шляпках, вечером – в нарядных платьях с вырезом и с короткими рукавами, в головных уборах, девицы – с цветами на голове. Правую перчатку кавалеры и дамы снимали, так как полагалось целовать руку особам, которым представлялись. Представляющиеся выстраивались в два ряда по чинам, дамы – по чинам мужей, дочери – возле матерей, а если дочь назначалась во фрейлины, она становилась с другими фрейлинами. При входе высочайшей особы делался общий поклон, при представлении вновь кланялись. Разговор, если он имел место, начинала августейшая особа, и велся он на том языке, который этой особой был избран, причем по-французски и по-немецки обращались в третьем лице, по-русски употребляли «Вы» с частым прибавлением титула собеседника, особенно в конце первого ответа на вопрос. Обязанностью принимавших было сказать хотя бы несколько слов. Имели место и особые представления, когда разговор велся сидя, в кабинете высочайшей особы или в гостиной. Разговаривать следовало, избегая неловких пауз, а это при природной стеснительности многих Романовых было непросто. Уходить можно было только тогда, когда высочайшая особа подавала знак, вставая или прощаясь. При этом покидали комнату, пятясь задом до самой двери; для дам при длинных шлейфах парадных платьев это было затруднительно, но таков был этикет.

Мало того, что дворцовый церемониал был сложен. Все эти мелочи и пустяки высочайшего быта совершались строго по часам. В XIX в. завтраки и обеды фамилии длились ровно 50 минут, и ни минутой более. При этом блюда должны были точно следовать одно за другим. И уже не имело значения, что одни блюда перепрели, ожидая своей очереди, другие были слишком горячи: главное – соблюсти форму. Особой точностью отличался Николай I. Если литургия в придворной церкви должна была начинаться в 11 часов, она начиналась не без двух минут 11 и не три минуты 12, а в 11! При незначительных нарушениях церемониала чиновник Министерства двора являлся к нарушителям с содержащей высочайший выговор бумагой, в которой они должны были расписаться. Условности!..

М. П. Фредерикс описала казус, произошедший с ней при представлении императрице по поводу назначения ее фрейлиной. Мать новой фрейлины была близкой подругой императрицы Александры Федоровны, и та знала девушку с рождения. Однако в день представления, когда в Малахитовом зале Зимнего дворца шла церемония, никакого исключения для Марии Фредерикс не было сделано: императрица обратилась к дежурной фрейлине с вопросом, кто эта девица? Новоявленная фрейлина ужасно смутилась этим холодным приемом, хотя тут же была обласкана императрицей. По поводу такого строгого этикета А. Ф. Тютчева писала, что он суть не только преграда, отделяющая монарха от подданных, но и защита подданных от произвола монарха: «Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство. Там, где царит этикет, придворные – вельможи и дамы света, там же, где этикет отсутствует, они спускаются на уровень лакеев и горничных...» (183; 101)

Не следует думать, что жизнь императорской фамилии проходила только в выполнении пышного церемониала. Разумеется, находилось время для отдыха, и не только в кругу семьи. Обычными для императоров были ежедневные прогулки по столице, прекратившиеся только вследствие беспрестанных покушений на жизнь Александра II (одно из них и было совершено во время пешей прогулки императора: студент Соловьев подошел к нему и выстрелил из револьвера). Николай I гулял преимущественно по набережным Невы обычно ночью, после окончания работы с бумагами. У Александра I был даже определенный маршрут: «В Павловске мы редко видели императора, – писал В. А. Соллогуб, – но в Петербурге встречали его почти каждый день. В час пополудни он выходил из Зимнего дворца, следовал по Дворцовой набережной, у Прачешного моста поворачивал по Фонтанке до Аничковского моста...

Затем государь возвращался к себе Невским проспектом. Прогулка повторялась каждый день и называлась *le tour imperial*. Какая бы ни была погода, государь шел в одном сюртуке с серебряными эполетами и в треугольной шляпе с султаном, надетой набекрень... Каждый раз, когда мы гуляли с гувернером и встречались с ним, он останавливался с улыбкой и говорил с нами несколько слов. Иногда спрашивал он про здоровье матушки, иногда шутил со мною...» (166; 362–263).

Хаживали они и в гости к своим подданным. Тот же Соллогуб пишет: «Когда государь приезжал в наш дом, он всегда при этом предуведомлял. Матушка его ожидала, и мы, дети, оставались при ней» (166; 361). А у бабушки Соллогуба, Е. А. Архаровой, бывали другие гости. «Особенно выдавались два дня в году: зимой в Петербурге, 24 ноября, в Екатеринин день, а летом в Павловске, 12 июля, в день рождения старушки... Вдруг в саду происходило смятение. К бабушке стрелой летел Дмитрий Степанович. Старушка, как будто пораженная событием, повторявшимся, впрочем, каждый год, поспешно подзывала к себе все свое семейство и направлялась целою группою к дверям сада, в то время как снаружи приближалась к ней другая группа. Впереди шествовала императрица Мария Федоровна... Она держала за руку красивого мальчика в гусарской курточке, старшего сына великого князя Николая Павловича (будущего императора Александра II. – Л. Б.), поздравляла бабушку и ласково разговаривала с присутствующими... Посещение продолжалось, разумеется, недолго. Императрице подносили букет наскоро сорванных лучших роз, и она удалялась, сопровождаемая собравшеюся толпою» (166; 391–392). Впрочем, последние ежегодные высочайшие посещения старухи Архаровой, вдовы давно покойного обер-полицмейстера Москвы – просто дань светской вежливости, все тому же этикету: в обязанность членов императорской фамилии входило точно помнить, когда и у кого из известных им подданных день рождения или день ангела, и неукоснительно поздравлять их.

Эта строгость и точность жизни позволяли среди множества пустяков уделять большое время делам. Ведь император должен был не только представлять Россию, но и управлять ей.

Начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов подробно описал рабочий день Николая II на отдыхе в Ливадии, где он ежедневно находился

в общении с царем. Утро после короткой прогулки посвящалось приему докладчиков; перед устным докладом просматривались первые строки текста, а если сущность дела не была ясна, то читался весь доклад. Доклады министров могли продолжаться до двух часов. Иногда доклады делались и вечером, от четырех до половины седьмого. Около часа продолжалась церковная служба. В итоге с семьей царь встречался только за столом и вечером, если у него не было особо срочной работы. Но Николай II был не из самых загруженных работой императоров. Наибольшее количество бумаг с личными пометами осталось от Николая I, который заканчивал работу глубокой ночью и отправлялся погулять перед сном по ночной столице, и Александра III, вступившего на престол неподготовленным и вынужденного наверстывать упущенное. В дополнение к обычным делам для него составлялись особые экстракты журналов заседаний высших государственных органов. Отдыхать он ездил в свои охотничьи угодья в Спалу. Здесь не принято было говорить с сопровождающими и гостями о делах и политике, но через день приезжал фельдъегерь с бумагами, и в этот день царь работал до глубокой ночи. Лейб-медик Александра III Н. А. Вельяминов писал: «О. Б. Рихтер говорил мне, что государь поразительно добросовестно относится к делам и как-то раз показывал мне толстый портфель, который Государь в дни отъезда фельдъегерей присылал к нему с готовыми резолюциями. «За много лет, что я управляю комиссией прошений на Высочайшее имя, говорил мне Рихтер, я не помню случая, чтобы посланный мною с вечера Государю портфель с бумагами не был возвращен мне на следующее утро с исполненными делами» (32; 277). Приходилось ему работать, и не оправившись от болезней: «Помню, – продолжает Вельяминов, – как я, будучи как-то в кабинете, стал убеждать Государя не начинать работать, но Он, указав мне на диван, на котором от одной ручки до другой лежали кипы папок с делами, сказал: «Вот посмотрите, что здесь накопилось за несколько дней моей болезни; все это ждет моего рассмотрения и резолюций; если я запущу дела еще несколько дней, то я не буду уже в состоянии справиться с текущей работой и нагнать пропущенное. Для меня отдыха быть не может» (32; 284). По мнению Вельяминова, смерть царя от ожирения сердца была вызвана именно переутомлением.

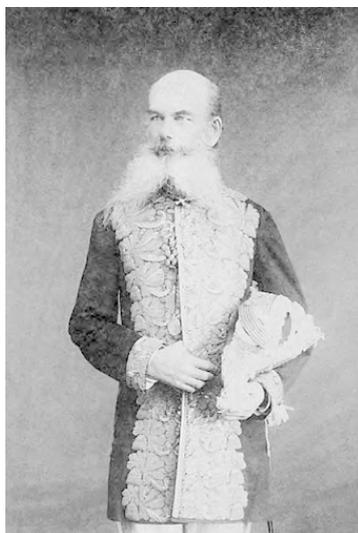
Вся жизнь оказывалась зажатой в шоры обязанностей. Александр III «не раз говорил, что смотрит на поездки в Петербург (из Гатчины. – Л. В.) как на исполнение неприятной и тяжелой обязанности. Он очень не любил торжественности, помпы и парадов, в широком смысле этого слова, но исполнял все, что полагалось по этикету, никогда не показывая, что ему скучно и противно; такой же в этом отношении была и императрица, которая многократно говорила мне, что для монархов не существует усталости» (32; 281). Для членов августейшей фамилии их положение фактически было профессией, ремеслом. Именно так и понимала это, например, супруга великого князя Владимира Александровича Мария Павловна, урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская. В бытность ее на освящении памятника Александру II в Софии был назначен парадный обед, а затем прием. По словам А. А. Мосолова, «перед самым обедом мне удалось урвать от нашей перегруженной программы несколько минут, чтобы наскоро посвятить Марию Павловну в то, с кем она встретится и что представляют собой приглашенные. И в течение более трех часов за обедом и приемом великая княгиня была оживленным центром непрерывной беседы и успела всех очаровать. При этом она не допустила ни малейшей оплошности. Когда я поздравил ее с успехом и высказал удивление ее дипломатическим способностям, она ответила:

– Надо знать свое ремесло» (117; 127).

Именно тонкое знание этого ремесла делало светского человека светским. А высший петербургский свет составляли придворные.

Одно из высших государственных учреждений – императорский, или высочайший, двор – являло собой сложную структуру. Его составляли придворные чины, кавалеры и дамы. При дворе находились также придворные служители. Придворные чины в XVIII в. распределялись по всей Табели о рангах, но в конце столетия были собраны в две группы – Первых (2-й класс

Табели) и Вторых (3-й класс) чинов двора; в 1809 г. чины камергера и камер-юнкера были исключены из этой системы и стали званиями, а лица, их имевшие, стали именоваться придворными кавалерами. Звание камер-юнкера жаловалось неслужащим или находившимся на службе представителям аристократии, имевшим чины с 9-го по 5-й класс, а камергера – чиновникам с 5-го по 3-й, с 1850 г. – 4 – 3-го классов. Звание давало право на мундир и проезд ко двору. Кстати, А. С. Пушкин, неслужащий дворянин, получивший чин 12-го класса в результате окончания учебного заведения, не мог рассчитывать ни на что выше камер-юнкерства, да и на него по закону не имел права. Чины двора возглавлялись обер-камергером. Все управление подчинялось с начала XIX в. Министерству императорского двора. Все дворцовое хозяйство подразделялось на отдельные части с соответствующим штатом чинов. Так, императорская охота возглавлялась обер-егермейстером с подчиненными ему егермейстерами и штатом служителей, дворцовые конюшни и все переезды были в ведении обер-шталмейстера и шталмейстеров, церемониалом заведовал обер-церемониймейстер, высочайшим столом – обер-гофмейстер, винным погребом – обер-шенк и т. д. Придворные дамы, разумеется, чинов не имели (женщины на государственную службу не принимались), но носили соответствующие звания и были под началом обер-гофмейстерины; это были гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины, свитские и городские фрейлины императрицы и великих княгинь. В 1908 г. было 15 первых чинов двора, 134 – вторых, 86 лиц «в звании», 287 камергеров, 309 камер-юнкеров, 110 «состоящих» при их величествах и членах фамилии, 22 духовных лица, возглавлявшихся протопресвитером двора, 38 лейб-медиков, три фурьера, 150 чинов свиты (генерал- и флигель-адъютантов, а также генералмайоров и контр-адмиралов Свиты Его Величества), ряд других лиц (директор Императорских театров, директор Эрмитажа и др.), 260 дам разных рангов и 66 дам, удостоенных ордена Св. Екатерины, – всего 1534 персоны (117; 188).

Обер-камергер. Конец XIX – начало XX в.

Система придворных чинов была хитрее, чем это представлено выше. Дело в том, что придворный чин мог быть пожалован в качестве награды лицу, служившему совсем по иному гражданскому ведомству. Такой шталмейстер или егермейстер отнюдь не занимался царскими лошадьми или организацией охоты. Разумеется, это были чиновники в генеральских чинах: ведь, как уже было сказано, чины двора находились во 2-м и 3-м классах Табели о рангах. Собственно, дослужиться до придворного чина можно было только на иной, непридворной службе – военной или гражданской: ведь младших придворных чинов не было. Хотя обладание придворным чином делало как бы уже не нужным военный или гражданский чин, его нередко сохраняли. Так, граф К. И. Пален был действительным тайным советником и обер-камерге-

ром, барон П. П. Корф – действительным тайным советником и шталмейстером, барон Е. Ф. Мейендорф – генералом от кавалерии, обер-шталмейстером и генерал-адъютантом.

Придворные чины могли назначаться и на высшие гражданские должности. Например, известный читателю понаслышке, а может быть и по книгам (например, по роману В. Пикуля «У последней черты»), гофмейстер Б. В. Штюрмер занимал в 1916 г. посты председателя Совета министров и министра внутренних дел. Разумеется, обремененный делами, Штюрмер никак не мог принимать участия в делах гофмейстерской части, которой принадлежало заведование придворным штатом и финансами двора, он лишь появлялся на придворных церемониях в гофмейстерском мундире. Кстати, после увольнения в отставку Штюрмер получил чин обер-камергера, но опять же без исполнения обер-камергерских обязанностей при дворе. Такие случаи были весьма многочисленны. Недаром, если до середины XIX в. лиц, имевших придворные чины, было около четырех десятков, то к 1881 г. их было уже 74 человека, а в 1914 г. – 213. Так что все большее число обладателей придворных чинов не было связано с придворной службой.

Трудно сказать, насколько обременительна была придворная служба. Разумеется, дела были. Например, обер-форшнейдер на большом коронационном обеде сопровождал блюда к столу их величеств, причем его конвоировали два кавалергардских офицера с обнаженными палашами, а обер-гофмаршал, ведавший всем хозяйством дворца и придворными служителями, по инструкции, при торжественных обедах «всегда своим жезлом служит, а именно: кушанье на стол внесено и поставлено, то он с жезлом в руке Ее Императорскому Величеству о том доносит и прямо перед Ее Величеством к столу идет, где он свой жезл одному придворному кавалеру до тех мест для держания отдает, пока дневальный камергер Ее Императорскому Величеству блюдо с рукомойником поднесет и он, обер-гофмаршал, салфетку для утирания подает и стул, на котором Ее Императорское Величество сядет, придвинет, потом принимает паки жезл и отдает, пока Ее Императорское Величество не встанет, паки стул отнимает, салфетку подносит и Ее Величество в императорские покои с жезлом паки препроводит» (Цит. по: 194; 403–404). Если ограничиваться одной только этой инструкцией, утвержденной еще Анной Иоанновной, то можно подумать, что обергофмаршал был записным бездельником: ведь торжественные обеды с церемонией были не так уж часты. На деле же заведование всем очень сложным хозяйством Двора с огромным количеством служителей в многочисленных царских дворцах было, надо полагать, весьма обременительным: участие в церемониале – только малая часть обязанностей. Вот что, например, писал об обер-гофмаршале Александра III и Николая II графе П. К. Бенкендорфе А. А. Мосолов: «Человек умный, всесторонне образованный, весьма хладнокровный, он исполнял свое нелегкое дело незаметно для посторонних, но всегда с равной добросовестностью. Граф держался определенных принципов и имел большой и заслуженный вес в Министерстве Двора» (Цит. по: 194; 404).

Как и великие князья, придворные чины вступали в брак только с дозволения императора. Всем им принадлежали расшитые золотом мундиры двух высших разрядов. В первом разряде мундир расшивался особым узором по бортам в три ряда, по всем швам в один ряд, а также на спине под воротником, по воротнику, обшлагам, клапанам карманов и под ними и на фалдах. Треугольная шляпа с белым плюмажем также расшивалась по полю в три ряда и по углам имела шитые золотом ленты. При парадном мундире полагались короткие штаны до колен, белые шелковые чулки и туфли с золочеными пряжками. Мундир вторых чинов двора был попроще. Обер-камергеры и камергеры на фалде мундира носили большой золоченый, усыпанный бриллиантами ключ. Разумеется, парадный мундир носили в исключительных случаях, а обычно были в темно-зеленом, с красными воротниками и обшлагами вицмундире, расшивавшемся по бортам, воротнику, обшлагам и фалдам широкими двойными галунами. С ним носили длинные штаны с двойными золотыми галунами.

Обер-егермейстер. Начало XIX в.

Особое форменное платье, утвержденное в 1834 г., носили и придворные дамы. На белую атласную юбку надевалось распашное платье с откидными рукавами и шлейфом, с золотым, в соответствии со званием, шитьем: у фрейлин великих княгинь оно было светло-синее, у фрейлин императрицы – пунцовое, у камер-фрейлин и статс-дам – зеленое, у гофмейстерин – малиновое. Считалось, что оно напоминает покром сарафан: еще с конца XVIII в. при дворе имели место некие национально-патриотические потуги, особенно усилившиеся с 30-х гг. XIX в. – времени утверждения идеологии самодержавия, православия и народности (так называемой официальной народности). Естественно, что «национальным» должен был быть и головной убор, каковым стало некое подобие высокого кокошника с белой вуалью. Правда, в народе кокошник был головным убором замужних женщин, а фрейлины все были девицами, но ведь это несущественные детали, не так ли? И нынче наших «высших чинов» встречают ряженые в сарафанах в талию (нонсенс!) и в псевдококошниках, и да ещё и с фальшивой косой.

Если придворные чины мужского пола исполняли все-таки определенные служебные обязанности, то фрейлины были просто компаньонками императриц и великих княгинь, развлекающая их во время своих дежурств.

«Истинное местопребывание фрейлины, ее палатка, ее ковчег спасения – это карета. В дни дежурства эта карета была запряжена с утра, чтобы быть готовой на тот случай, если фрейлине придется сопровождать великую княгиню: случалось ездить с ней к кому-нибудь из великих княгинь или в Летний сад, и если великий князь позднее присоединился к ней, фрейлина освобождалась и возвращалась во дворец в собственной карете» (183; 90).

Кроме того, придворную службу в торжественных случаях при августейших особах женского пола несли камер-пажи – лучшие по успехам учащиеся старшего класса Пажеского корпуса (военно-учебного заведения): при выходах и других торжествах они несли шлейфы платьев. Им также принадлежали мундиры, повторявшие вицмундиры придворных чинов и кавалеров, но с каской с белым плюмажем и ботфортами.

Придворные служители, о которых мы отчасти упоминали выше, – камер-лакеи, камер-казаки, лейб-кучера, скороходы, камер-фрау, камер-медхены и прочие – чинов, разумеется не имели, но по окончании службы могли производиться в невысокие чины. Им принадлежали красные парадные ливреи и шинели с пелеринами, расшитые широкими золотыми галунами, затканными черными двуглавыми орлами, и треугольные шляпы; по этим красным парадным ливреям их называли «красными лакеями». У камер-казаков были такие же красные чекмени и папахи с красным шлыком. Обычные ливреи были темно-зеленые. Причудливо, на восточный манер, одевались придворные арапы, с петровских времен по традиции служившие личными телохранителями и охранявшие внутренние покои. Кроме того, внутренние караулы несли чины лейб-гвардии Кавалергардского полка, и вход «за кавалергарды» имел ограниченный круг лиц. Наконец, с 1828 г. существовал Собственный Его Императорского Величества конвой; сначала он состоял из взвода кавказских горцев, в 1865 г. – из лейб-гвардии Кавказ-

ского эскадрона, включавшего взводы грузин, горцев, лезгин и мусульман, к которым в 1863 г. был добавлен взвод крымских татар, и Кавказского казачьего эскадрона. (Нужно напомнить, что только в 1864 г. закончилась полувековая Кавказская война – покорение кавказских горцев, иногда принимавшее жестокую форму; не странно ли, что при антинародном царизме чеченцы, черкесы или крымские татары, несшие охрану царя, не изменяли, а в стране Советов стали изменниками при первом же удобном случае?). В 1881 г. Кавказский эскадрон был расформирован и конвой стал включать по две Кубанские и Терские казачьи сотни. Охрану Зимнего и Большого Кремлевского дворцов и памятников царям несла также сформированная в 1827 г. из ветеранов рота дворцовых гренадер; они отличались мундирами, расшитыми двойными широкими галунами, как на вицмундирах придворных чинов, и высокими медвежьими шапками с золотым этишкетом. Но фактически охрана дворцов принадлежала заступавшим по очереди в караул гвардейским полкам.

Камер-юнкер. Конец XIX – начало XX в.

В общем, дворцовое ведомство было сложным и даже громоздким, а расходы по нему – весьма немалыми.

Это вовсе не значит, что придворные содержались очень уж роскошно. Выше мы говорили об их питании. Свитские фрейлины, обязанные жить во дворце, как выясняется, жили не слишком роскошно, хотя для многих это было единственным источником существования: иногда фрейлинами назначались сироты не особенно богатых родителей. Это была как бы форма благотворительности, и фрейлина А. Ф. Тютчева утверждала, что «фрейлинский коридор походил на благотворительное учреждение для нуждающихся бедных и благородных девиц, родители которых переложили свое попечение о дочерях на императорский двор» (183; 85). «Графиня Тизенгаузен и ее племянница, графиня Баранова, две сестры Бартеневы, Элиза Раух и Нелидова (постоянная любовница Николая I. – Л. Б.) жили в нижнем этаже дворца, другие фрейлины... помещались в комнатах, выходивших в фрейлинский коридор... к которому вела лестница в 80 ступеней. Мы занимали на этой большой высоте очень скромное помещение: большая комната, разделенная на две части деревянной перегородкой, окрашенной в серый цвет, служила нам гостиной и спальней. В другой комнате поменьше, рядом с первой, помещались с одной стороны наши горничные, а с другой – наш мужик, неизменный Меркурий всех фрейлин и довольно комическая принадлежность этих девических хозяйств, похожих на хозяйства старых холостяков. Он топил печку, ходил за водой, приносил обед и по десяти раз в день бегал заказывать карету...

Я нашла в своей комнате диван стиля empire, покрытый старым желтым штофом, и несколько мягких кресел, обитых ярко-зеленым ситцем, что составляло далеко не гармоничное целое. На окнах ни намек на занавески. Я останавливаюсь на этих деталях... потому что они свидетельствуют, при сравнении с тем, что мы теперь видим при дворе, об огромном воз-

растании роскоши за промежуток времени менее четверти века. Дворцовая прислуга теперь живет более просторно и лучше обставлена, чем в наше время жили статс-дамы, а между тем наш образ жизни казался роскошным тем, кто помнил нравы эпохи Александра I и Марии Федоровны».

Скованная этикетом, жизнь фрейлин, этих безгласных спутниц августейших особ, была довольно печальной, мало отличаясь от жизни приживалок при старых помещицах. «С какой поспешностью бедные фрейлины бежали из своих одиноких комнат, которые никогда не могли быть для них home'ом и создать им ни уюта домашнего очага, ни уединения кельи. Среди шумной и роскошной жизни, их окружавшей, они находили в этих комнатах лишь одиночество и тяжелое чувство заброшенности. Не знаю, разделяли ли все мои товарки мои грустные впечатления в этом отношении; может быть, для некоторых из них развлечения придворной жизни, туалеты, театр, иногда царская милость вознаграждали за утрату более глубоких радостей жизни, которых они были лишены. Однако я видела, что многие из них теряли здоровье, веселость и страдали от нервных болезней, вызванных гораздо более душевными настроениями, чем физическим состоянием» (183; 91).

Справедливости ради отметим, что в качестве некоторой компенсации фрейлины имели возможность выгодно вступить в брак и получали приданое за счет двора. Что же касается статс-дам, то они получали звания не сами по себе, а в соответствии со статусом мужей, как своеобразную награду мужьям.

Финансовое обеспечение двора лежало на созданном в 1797 г. Удельном ведомстве, которому принадлежали к концу XIX в. 790 тыс. десятин земли, в том числе виноградники на Кавказе и в Крыму, чайные плантации под Батумом, Мургабское имение в Мервском оазисе в Средней Азии, многочисленные так называемые доходные статьи: мельницы, рыбные ловли, пристани, торговые заведения, рудники, фабрики и заводы, например: Петергофские гранильная и писчебумажная фабрики, полотняная фабрика в Петербурге и т. д. До 1863 г. уделам принадлежали и 826 тыс. душ крестьян. Кроме того, лично императору принадлежали кабинетские земли, то есть находившиеся в управлении Кабинета Его Величества, в основном на Алтае, в Забайкалье, на Урале, в Польше и под Петербургом. Преимущественно это были рудники, прииски, фабрики и заводы, на которых работали кабинетские крестьяне и ссыльно-каторжные. Это не значит, что эти доходы императоры тратили на личные прихоти. Из кабинетских сумм выдавались награды, вспомоществования по именным прошениям, производились расходы по статьям, «лично Его Величеству известным», то есть секретным (на разведку, политический сыск и пр.); собственно, это были государственные расходы, но шедшие мимо Государственного казначейства.

Эти огромные богатства и служили для обеспечения нужд императорской фамилии и высочайшего двора. Пожалуй, для страны, находившейся в перманентном финансовом кризисе, это было дорогое удовольствие – иметь самый блестящий двор в Европе.

Глава 3

Чиновничество

В старой русской традиции с ее официально признанным разделением всего и вся на «корону» и «землю», «земщину», на «казну» и «мир» людей, служивших государству, бывших на казенной службе, в просторечии нередко называли казенными. И в первую голову казенным человеком считался чиновник. Формально чиновником именовался любой государственный служащий, имевший чин по Табели о рангах, хотя бы и военный офицер. В просторечии же как все духовенство называли «попами», так все казенные гражданские служители, имевшие чин или не обремененные им, именовались чиновниками.

Здесь надобно сделать пояснение. Во введенную в 1722 г. Табель о рангах входили только 14 чинов, или классов: от младшего (мы здесь ведем речь лишь о гражданских служащих) 14-го – коллежского регистратора до высшего 1-го – канцлера либо действительного тайного советника 1-го класса. Но чин сначала нужно было заслужить. Лица, закончившие учебные заведения, хотя бы духовную семинарию или гимназию, получали право на чин по образованию, в зависимости от ранга заведения – от 14-го до 10-го класса. Прочие же, с «домашним воспитанием», никакого курса не закончившие, поступали на государственную службу канцелярскими служащими 1-го или 2-го разряда и более или менее долгий срок тянули лямку в должностях копиистов (то есть переписчиков бумаг, писарей), протоколистов и журналистов.

Государственная служба была привилегией неподатных сословий, а практически – почти полной монополией дворянства. Лишь некоторые группы, не принадлежавшие к дворянству, принимались на службу; даже купцы 1-й гильдии, беспорочно пробывшие в ней 12 лет, могли только *просить* о приеме сыновей на государственную службу, а податные, то есть крестьяне и мещане, вообще на нее не принимались. Разумеется, не принимали на службу и женщин. При этом, до конца XIX в. преимущественно, а в первой его половине – полностью, условия службы определялись сословной принадлежностью. По закону 1790 г. канцелярские служащие из потомственных дворян производились в классный чин коллежского регистратора (14-й класс) через три года, дети личных дворян, купцов 1-й и 2-й гильдий и белого духовенства – через четыре года, разночинцы и низшие служители – через 12 лет, а кантонисты – только через 20 лет службы. Точно так же разными были и сроки чиновпроизводства: недворяне служили весьма неспоро, так что даже при благоприятных условиях пройти все ступени с 14-го по 5-й класс можно было лет в 35. Однако в течение XIX в. все большую роль в менявшейся системе чиновпроизводства начинало играть образование, и к началу XX в. происхождение перестало учитываться. С конца 60-х гг. XIX в. некоторые ведомства (народного просвещения, медицинское, почтово-телеграфное, тюремное) стали принимать на службу и женщин, точнее «девиц», так что в 1897 г. в России служили уже 38 тыс. женщин, из них почти 29 тыс. – в учебных заведениях. Однако служили они по вольному найму и прав на чины не имели.

Чиновник был почти всегда городским жителем: все учреждения, за незначительным исключением, были сосредоточены в городах. Современники отмечали засилье чиновников. На 1796 г. их насчитывалось около 17 тыс., включая и канцелярских служащих. И количество их быстро росло. В 1804 г. только классных чиновников числилось более 13 тыс., в 1850 г. – почти 72 тыс., а в 1856 г. – уже более 82 тыс. К ним нужно добавить и канцелярских служащих, которых в 1850 г. было более 26 тыс., а в 1856 г. – около 32 тыс. В 1901 г. в России насчитывалось около полумиллиона чиновников, в том числе 120–125 тыс. канцелярских служащих. Но нужно иметь в виду и то, что формально чиновниками, то есть обладающими чинами, считали и преподавателей начальной и средней школы, профессуру, казенных врачей, судебных – множество лиц, которых мы сейчас к бюрократии не относим.

Наличие чина, быстро ставшего пережитком и возмущавшего фактом своего существования даже многих видных представителей высшей бюрократии (в правительстве неоднократно обсуждался вопрос об упразднении чинов), было гарантией получения той или иной должности. Например, губернатором мог быть только генерал, военный или штатский, то есть лицо, имевшее чин не ниже 4-го класса Табели о рангах. Даже мизерные должности почтового станционного смотрителя, отпускавшего лошадей проезжавшим, архивариуса или письмоводителя где-нибудь в уездном суде требовали чина 14-го класса.

Чинам соответствовали и награды: первые, или высшие, степени Российских Императорских и Царских (такowymi были польские ордена Св. Станислава и Белого орла) могли получить только лица в чине не ниже 4-го класса. А в обер-офицерских чинах (в группе с 14-го по 9-й класс) можно было получить лишь знаки орденов Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира и Св. Георгия (для военных) 4-й. Знаки (кресты) первых степеней сопровождались звездами и носились на широких лентах через плечо; лишь у орденов Св. Владимира, Св. Георгия и, недолго, Св. Станислава звезды принадлежали также и вторым степеням, и звезду ордена Св. Георгия мог получить полковник, а Св. Станислава – статский советник. И выражение «получить звезду» или «получить кавалерию через плечо» означало наличие генеральского чина.

Все лица, находившиеся на государственной и даже общественной службе, обязаны были носить мундирное платье. Во второй половине XVIII в. стали вводиться губернские и ведомственные цвета мундиров из так называемого приборного сукна (воротников, обшлагов и пр.), затем – ведомственное серебряное или золотое шитье на мундирах, а с 1834 г. были установлены 10 разрядов мундира с тем или иным количеством шитья по чину. Например, в высшем, 1-м разряде ведомственное шитье того или иного орнамента размещалось на воротнике, на спине под воротником, на обшлагах, фалдах, клапанах карманов и под карманами, на груди и полах в три ряда и на всех швах. В низшем же разряде на воротнике, обшлагах и по борту мундира шел только «борт» – узенький шитый кант. В 1-м разряде на треугольной шляпе, непременно принадлежности мундира, шитье того же орнамента размещалось в три ряда по полям, которые с углов пересекались черными муаровыми лентами с шитым кантом, на пуговицу в центре круглой кокарды-розетки застегивалась шитая петлица, а сверху по полю шел невысокий белый плюмаж из страусовых перьев. Мундирные панталоны были белые, с широкими, шитыми тем же орнаментом лампасами. А в 10-м разряде шляпа была без шитья и лент, с кокардой (кокарда – знак государственной службы) с простой петлицей из шнурка, панталоны же из мундирного сукна, только с приборной выпушкой по шву.

Губернский чиновник конца XVIII в.

В 60-х гг. XIX в. стали появляться и знаки различия по чинам, сначала в ведомствах с мундиром военного покроя – бывших военизированных корпусах: лесном, горном, почтовом, путей сообщений, межевом (до 1864 г. чиновники этих ведомств считались офицерами и

носили военную форму и знаки различия), а затем и в других ведомствах. Чиновники непременно желали походить на военных, поскольку военная служба была престижней, и ведомства настойчиво вводили наплечные знаки различия – погоны, то плетенные из плоского шнура, то тканые и даже штампованные из металлической фольги. Военное ведомство так же настойчиво противилось этому, и периодически наплечные погоны заменялись знаками различия на воротниках. В конечном счете, погоны оставили только чинам, работавшим «в поле» (то есть тем же лесным, горным, межевным и прочим чиновникам), так как это придавало им больше веса в глазах простого народа, плохо разбиравшегося в форменной одежде. А в начале XX в. погоны были оставлены только главам ведомств – министрам, их товарищам (заместителям), губернаторам и вице-губернаторам, а также чинам тюремного ведомства, служившим на острове Сахалин (последнем месте каторги). Все остальные теперь носили знаки различия на воротниках: на мундирах непосредственно в углах воротника, среди шитья, у кого оно было, а на вицмундирах, сюртуках и тужурках – на галунных или суконных либо бархатных клапанах с металлической окантовкой и просветами по группам чинов. И здесь у особ первых четырех классов звезды были большие, шитые, с блестками и сиянием, у штаб-офицерских чинов тоже шитые, но уже без сияния, а у мизерных обер-офицерских чинов – простые штампованные звездочки. Так что статские генералы были просто загляденье – все в золоте, а мизерабли... ну, они мизерабли и есть.

Шитый мундир был и дорог, и неудобен. Поэтому при «обыкновенной» форме, то есть непарадной и непраздничной, носили вицмундир («заместитель мундира») того же покроя, но без шитья. У старших чинов вицмундиром служил фрак с белой сорочкой, галстуком-бабочкой и со шляпой-цилиндром. А младшие чиновники носили в качестве вицмундирного платья заграпезный сюртук, бывший у старших уже дорожной формой, с простой фуражкой с околышем ведомственного цвета. Чинам, работавшим «в поле» (вне основных подразделений учреждения), в конце XIX в. дана была еще и тужурка, вроде короткого полупальто или матросского бушлата, к которой полагалось особое оружие типа охотничьего ножа установленной формы. При мундире же все носили шпагу, сначала пехотную, а с 1856 г. особую гражданскую, с коротеньким узким клинком и орнаментальным щитиком с государственным орлом под гардой, украшенную офицерским темляком; несчастные канцелярские служители, чина не имевшие, носили при сюртуке шпагу без темляка.

Так что чиновники не одним миром мазаны были. И действительный статский или тайный советник выглядел совершенным олимпийцем, небожителем перед замухрышкой-канцеляристом. Да и был им, презрительно не замечая младших чиновников, говоря им «ты», а в случае особого снисхождения подавая один или два пальца. Вспомним, какой трепет охватил гоголевских уездных чиновников, когда напившийся Хлестаков стал врать о своем высоком положении. Недаром чиновникам разных рангов полагались и различные формы обращения – титулование.

Парадный мундир сенатора

Все обладатели обер-офицерских чинов именовались «Ваше благородие», подобно нечиновным дворянам; следовательно, подразумевалось, что чин придает человеку благородство. Обер-офицеры – лица, имевшие чин, начиная с 8-го класса, титуловались «Ваше высокоблагородие» (значит, они считались благороднее обер-офицеров), но в 5-м классе (статский советник) титул был – «Ваше высокородие». Особы же первых четырех классов, то есть генералы, именовались «Ваше превосходительство» и «Ваше высокопревосходительство». Чин определял все. Даже дворянин, не имевший чина, был ограничен в правах: он не мог участвовать в дворянских выборах и, невзирая на возраст, именовался в официальных бумагах «недорослем» (так в XVII и в начале XVIII в. звали юных дворян, еще не вступивших на службу, не доросших до нее). Именно чином определялся общественный статус человека: перед генералом, пусть и беспоместным и незнатным, заискивали, его в любом случае – даже вне службы, даже дамы в гостиных – титуловали «Вашим превосходительством», а пусть и богатый, но нечиновный дворянин был в пренебрежении. Еще выше ценились придворные чины и звания. Даже камер-юнкерство, пусть и при невысоком чине, придавало большой вес человеку, особенно в провинции, не говоря уж о камергерстве, хотя камер-юнкер и камергер с 1809 г. были не чинами, а только почетными придворными званиями, не сопряженными со службой при дворе.

Для разночинцев, имевших право государственной службы, наиболее вожеленным был чин не генеральский (до него мало кто доходил), а 8-го класса – коллежского асессора: до 1845 г. он давал права потомственного дворянства. С 1809 г. для получения 8-го класса требовалось представить университетский аттестат или сдать специальный экзамен при университете; правда, в 1834 г., с ростом общего уровня образования, этот закон отменили. Военные становились потомственными дворянами, получив уже первый офицерский чин прапорщика или мичмана: военная служба была значительно почетнее гражданской. «Разжижение» старинного столбового дворянства служилым вызвало дальнейшее затруднение получения потомственного дворянства по службе: с 1845 г. его в военной службе стал давать чин 8-го класса (майора), а в гражданской – 5-го, и даже личное дворянство гражданские чиновники стали получать лишь с 9-го класса. С 1856 г. военные офицеры получали личное дворянство с 9-го класса (капитан), а потомственное – с 6-го (полковник), гражданским же чиновникам потомственное дворянство стал давать генеральский чин 4-го класса (действительный статский советник).

*Действительный тайный советник, член Государственного совета С. С. Кушников.
В. А. Тропинин. 1828 г.*

Лица, избравшиеся на определенные должности по самоуправлению (городские головы, купеческие старшины, предводители дворянства и др.), на время службы пользовались правами чинов, сопряженных с той или иной должностью, в том числе правом на мундир и шпагу. Разумеется, после окончания службы права эти терялись. Но уездные и губернские предводители дворянства, избранные на третье трехлетие, получали соответствующий чин и право на мундир навсегда. Только кокарды всей этой публике не полагалось. Даже купцы, получившие почетное звание коммерции- и мануфактурсоветников, носили мундир и шпагу: ведь они получали право на чин 8-го класса; вместо мундира и шпаги они, по желанию, могли носить особый шитый кафтан русского покроя и особую купеческую саблю.

В общем, Россия оказывалась действительно страной мундиров: военные, придворные, чиновники, учителя, профессора, школьники, студенты, в определенных обстоятельствах купцы и мещане, неслужащие дворяне (им в торжественной обстановке полагался «дворянский» мундир по ведомству Министерства внутренних дел с фуражкой без кокарды) – все носили мундиры. Даже женам чиновников в конце XVIII в. предписывалось в парадной обстановке носить особое мундирное платье губернских или ведомственных цветов, с коротеньким форменным «фрачком»!

При прохождении службы огромную роль играла протекция. Отправляясь на службу, молодые люди по возможности запасались рекомендательными письмами от влиятельных родственников или знакомых. С. П. Жихарев после окончания университета был с визитом у приятеля отца, сенатора И. И. Дмитриева, который рекомендовал его Н. Н. Бантыш-Каменскому, директору Московского архива Иностранной коллегии, и тот снабдил молодого человека письмом к обер-секретарю коллегии.

В Петербурге, уже определившись на службу, Жихарев познакомился с Г. Р. Державиным и понравился маститому поэту и сенатору, который, со своей стороны, дал ему рекомендательные письма к сенатору князю П. В. Лопухину и к государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву – так, на всякий случай: связи могут и понадобиться. Правда, иной раз такие письма могли выглядеть весьма странно; Жихарев в «Дневнике» приводит рекомендательное письмо знаменитого И. П. Архарова (тот также обещал ему письма к нескольким своим петербургским знакомым): «Любезный друг, Петр Степанович! доброго соседа моего И. А. А. сын Николай отправляется для определения в статскую службу. Он большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный друг, на моем дураке, запиши его в свою канцелярию и, при случае, не оставь наградить чинком или двумя, если захочешь, – мы за это не рассердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что он его не стоит, да и отец его богат, а будет еще богаче, потому что живет свиньей».

Вследствие этой рекомендации, – пишет Жихарев, – юноша был определен и в течение трех лет получил три чина» (66; I, 243).

Происхождение и наличие протекции в значительной мере влияли на положение и судьбу чиновника. Современники хорошо понимали это. Ф. В. Булгарин, которого мы привыкли только клеймить и за то, и за се, был журналистом, и хорошим журналистом, отличавшимся, между прочим, резкостью суждений, за что не раз получал замечания из того III отделения, с которым, якобы, был связан. Он оставил нам немало тонких описаний разных сторон современной ему жизни, в том числе и жизни чиновников: «Молодой человек, который по рождению, по связям его родни, по сильному покровительству или богатству помещается в свете *на солнечной стороне*, вступая на *первую ступень* службы, вперед рассчитывает время, в которое должен пройти все *четырнадцать ступеней*. Полагая даже, что этот молодой человек имеет отличные способности, что он усердно служит и исполняет превосходно свое дело, он все-таки не *чиновник* <...>.

...Вам скажут: это *некто* N. N., *служащий* в таком-то министерстве.

Так кто же настоящий *чиновник*? Это человек, живущий от колыбели до могилы не *на солнечной стороне* света, а в тени, на севере, в особой чиновничьей атмосфере, в особенном чиновничьем климате <...>.

Генеалогия его не простирается далее отца, а много деда – сельского священника, приходского учителя или такого же чиновника. Семинария, приходское училище или канцелярия, в которой служил отец, суть обыкновенные места воспитания чиновника. Есть между чиновниками и дети мелкопоместного дворянства, между которыми человек, владеющий тридцатью ревизскими душами и имеющий чин титулярного советника, почитается уже аристократом! Эти дворянские сынки воспитываются по большей части дома, как говорится, на медные деньги!

Служба чиновника начинается всегда с того необходимого звания, без которого не может существовать никакая служба, – с писца. Движение черепахи и рака есть быстрота вихря в сравнении с движением бедного чиновника на поприще службы! Сколько сотен стоп бумаги должен он исписать, пока из подканцеляриста и канцеляриста достигнет наконец до чина четырнадцатого класса... Знаете ли вы, что такое *штатное место*?... Знаю! Знаете по имени, но постигает его вполне только тот, кто, прослужив лет двенадцать в канцелярии, добился наконец до *штатного места*» (23; 240–242).

Чиновник высокого ранга. Середина XVIII в.

Чин давал лишь существенные «невещественные» права. Кормил он плохо, особенно людей в малых чинах. Что была за жизнь у мелкого чиновничества, вспоминали очень многие. Подлинно, «не жизнь, а житье – утром встанешь, и за вытье». «У Воронежских, – вспоминал Л. Ф. Пантелеев, – никакого поместья не было, а капиталов и подавно. Брат служил в приказе

общественного призрения и получал четыре рубля в месяц; доходов ему никаких не перепало. Как ни дешева была тогда (в 40-х гг. – Л. Б.) жизнь, все-таки просуществовать на одно жалованье было невозможно; старшая сестра имела покровителя, кладбищенского диакона, и, должно быть, от него получила некоторое пристрастие к водочке; младшая занималась кое-каким рукоделием» (133; 28).

Отметим, что оклады жалованья на одних и тех же должностях различались в Петербурге, Москве и провинции, в центральных и местных учреждениях: справедливо предполагалось, что стоимость жизни в разных городах не одинакова. Во второй четверти XIX в. в гражданской палате Московского губернского суда архивариус получал 11 руб. 50 коп. серебром, коллежские секретари – по 10 руб., губернские секретари – от 14 до 30 руб. (в зависимости от персональных надбавок), канцелярские служители – от 8 до 22 руб., вместе с надбавкой на наем квартиры. Письмоводитель Московского губернского правления получал 4 руб. 75 коп. жалованья и 5 руб. на наем квартиры (115; 19–20). Зато писец уездного суда в середине XIX в. получал 3 руб. 60 коп. в месяц – 12 коп. в день! На эти деньги нужно было снимать жилье, приобретать мундирное платье и кормиться. Даже холостяку, учитывая тогдашнюю дешевизну, нормально прожить на эти деньги было невозможно. С семейством же, не беря взяток, оставалось только умереть с голоду.

Блистательную характеристику чиновничеству дал Ф. Ф. Вигель: «В кабинете Сперанского... зародилось совсем новое сословие, дотоле неизвестное, которое, беспрестанно умножаясь, можно сказать, как сеткой покрывает ныне всю Россию, – сословие бюрократов. Все высшие места президентов и вице-президентов коллегий, губернаторов, обер-прокуроров береглись для дворян, в военной или гражданской службе или при дворе показывающих способности и знания: не закон или правило какое, а обычай, какой-то предрассудок редко подпускал к ним людей других состояний, для коих места советников в губерниях, обер-секретарей или членов коллегий были метою, достижением коей удовлетворялось честолюбие их после долговременной службы. Однако же между ними те, которые одарены были умом государственным, имели все средства его выказывать и скоро были отличаемы от других, которые были только нужными, просто деловыми людьми. Для первых всюду была открыта дорога, на их возвышение смотрело дворянство без зависти, охотно подчинялось им, и они сами, дорожа приобретенными правами, делались новыми и оттого еще более усердными членами благородного сословия. В последних ограниченность их горизонта удерживала стремление к почестям; но необходимое для безостановочного течения дел, полезное их трудолюбие должно же было чем-нибудь вознаграждаться? Из дневного пропитания своего что могли отделять они для успокоения своей старости? Беззаконные, обычаем если не освящаемые, то извиняемые средства оставались единственным их утешением. Зато от мирских крупниц как смиренно составляли они свое малое благосостояние! Повторяя, что всякое даяние благо, они действительно довольствовались немногим. Там, где не было адвокатов, судьи и секретари должны были некоторым образом заступать их место, и тайное чувство справедливости не допускало помещиков роптать против такого рода поборов, обыкновенно весьма умеренных. Они никогда не думали спесивиться, с просителями были ласковы, вежливы, дары их принимали с благодарностью; не делая из них никакого употребления, они сохраняли их до окончания процесса и в случае его потери возвращали их проигравшему. К ним приступали смело и они действовали довольно откровенно. Их образ жизни, предметы их разговоров, странность нарядов их жен и дочерей, всегда запоздалых в моде, отделяли их даже в провинции от других обществ, приближая их, однако же, более к купеческому. Их все-таки клеймили названием подьячих, прежде ненавистным, тогда унижительным. Это было не совсем несправедливо...» (35; 119–120).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.